

Юлия Захарова и Виктория Алекс

СИЯНИЕ

Юлия Захарова

Сияние

«Литнет»

2026

Захарова Ю.

Сияние / Ю. Захарова — «Литнет», 2026

Во время полярной ночи на озере Имандра в Мончегорске исчезает девушка, а ее друг появляется из леса с окровавленной палкой и рассказом о древнем саамском духе Мяндаше. Столичный следователь Федор Кравцов, пытаясь не повторить ошибку двадцатилетней давности, выходит на след серийного убийцы, который прячет свои преступления за легендами Севера – и должен успеть остановить его, пока тот снова не убил.

© Захарова Ю., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
АРТЫ К ГЛАВЕ 1	8
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	14
АРТЫ К ГЛАВЕ 3	17
ГЛАВА 4	18
ГЛАВА 5	23
АРТЫ К ГЛАВАМ 4-5	26
ГЛАВА 6	27
ГЛАВА 7	31
ГЛАВА 8	35
ГЛАВА 9	39
ГЛАВА 10	42
ГЛАВА 11	45
ГЛАВА 12	49
ГЛАВА 13	52
ГЛАВА 14	55
ГЛАВА 15	59
ГЛАВА 16	63
ГЛАВА 17	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

ГЛАВА 1

Над озером Имандра висел не просто холод. Висел абсолютный, пронизывающий до костей тишиной звук, который был громче любого крика. Воздух звенел от мороза, крошечные кристаллики льда сверкали в свете луны, будто рассыпанная по черному бархату неба алмазная пыль. И посреди этой ледяной, мертвой величественности жило небо.

Фантазмагорические полосы северного сияния, словно живые зеленые духи, извивались в вышине, то замирая, то пульсируя холодным, призрачным светом. Их отражение в черной, как отполированный обсидиан, воде озера было еще страшнее: казалось, что это был не отблеск, а вход в иное измерение, зыбкий и ненадежный. Лес на другом берегу стоял стеной непроглядного мрака, безмолвный и всевидящий. Он наблюдал. Ждал. В этой первобытной, почти нечеловеческой красоте заповедника таилось что-то древнее и равнодушное к маленьким человеческим радостям, страхам и желаниям, которые вот-вот нарушат хрупкую границу ночи.

Катя стояла на краю небольшого оврага возле берега озера и смотрела вверх, не моргая, позволив сиянию заполнить собой все – зрение, мысли, это щемящее чувство в груди. Руки в толстых варежках были спрятаны в карманах, в одном из которых лежал телефон. Она знала, что камера телефона никогда не сможет передать всю красоту этого места. Ее нужно было впитывать кожей, ощущать ее ледяное дыхание на ресницах и понимать, как ты ничтожен. Каждый год. Каждую зиму. Эти же валуны, эта же черная гладь, эти же всполохи, которые чужие фотографируют на память, а для нее они просто вечный декор к ее жизни. Декор к утренней дороге на работу, к походу в магазин, к скучным вечерам в четырех стенах. Сияние было похоже на гигантскую, прекрасную клетку. Она родилась в ней. И, кажется, умрет.

Катя обернулась к лесу, и ее взгляд скользнул к темным силуэтам у костра – к Ире, что занималась готовкой, к приезжим мальчишкам. К нему. «Москвич». Красивый, таинственный, другой. Увидит это чудо, восхитится, уедет и унесет с собой частичку этой ночи как диковинку. А для нее ночь останется целой. Непроглядной. Навсегда ее. И от этой мысли Кате стало невыносимо горько и одиноко. Захотелось закричать. Не от восторга. Для того, чтобы эту вечную давящую красоту наконец увидели по-настоящему. Не как туристы, а как узники. Как она. Мрачные мысли все сильнее заполняли пустоту внутри Кати, заставляя дрожать изнутри.

– Народ! Давайте сюда! Пропустите все! – закричала Катя, не в силах уже оставаться наедине с собой. Она сняла теплую варежку и достала из кармана зимнего комбинезона яркого розового цвета, сотовый телефон. В один клик она включила камеру, которая тут же принялась записывать северное сияние, разлитое по всему небу. Напускная восторженность должна была привлечь его внимание, а телефон как предлог, чтобы встретиться с ним снова и продемонстрировать, что она все еще одна из них.

– Ого, какое огромное! – поразился Егор, встав рядом с ней. Он расплылся в улыбке, глядя на ночное представление. – Ты снимаешь?

– Да, но пальцы уже замерзли. Холодно, блин! – Катя продолжала держать левой рукой в варежке телефон, а пальцы на правой попыталась согреть своим дыханием.

– Ну как тебе, Дорофеев?! – с весельем спросил их Кирилл, обрушившись на Катю и Егора, словно лавина. Он с разбегу вклинился между ними, ловко перекинув руки им на плечи и повиснув всей тяжестью, заставив их на мгновение пошатнуться. – Я тебе говорил, что в моем городе офигительное северное сияние! И вот оно! – Он поднял взгляд на расплывающееся зарево на небе.

– Да круто, и было б еще круче, если б не было так холодно, – поежился Егор, пытаясь сбросить со своего плеча Кирилла.

– Да ладно тебе, всего лишь минус двадцать пять! Тоже нашел мне мороз. Вон смотри, Катюха тут всю жизнь живет и не жалуется.

– А что мне жаловаться? У меня как будто выбор есть где жить, – с обидой ответила Катя и с легкостью высвободилась из хватки Кирилла. – Это у тебя родители всегда при деньгах, вот и спланировали в Москву учиться. – Катя выключила телефон и, развернувшись на каблуках, отправилась обратно к лагерю отогревать руки.

– Ой, да ладно тебе. Обиделась что ли?! – крикнул ей вдогонку Кирилл, но Катя лишь отмахнулась от него рукой.

Катя чувствовала не столько обиду, сколько белую, холодную зависть. Такие, как Кирилл, всегда могли вырваться из Мончегорска – маленького заполярного городка, зажатого между сопками и озерами, и начать жизнь с нуля где угодно. У нее же выбора не было.

Она жила с матерью, которая вкалывала на двух работах, чтобы поднять Катю и младшего брата, когда десять лет назад их бросил отец. Сама Катя пробилась на бюджет в филиал Мурманского арктического университета и теперь, чтобы не потерять место и получать стипендию, была вынуждена штудировать учебники с утра до ночи. Ее жизнь была тщательно расчерченным маршрутом: дом – университет – библиотека – дом.

В отличие от нее, Ирка, ее лучшая подруга и одноклассница, после девятого класса ушла в техникум, а потом устроилась в местный магазин. Спокойно жила в доставшейся по наследству от бабушки квартире, и единственной ее заботой теперь был поиск «того самого» жениха, который, впрочем, менялся у нее почти каждые две недели. Ира была бойкой, стремительной, с длинными ногами и острым языком, который никогда не подводил. Но в ее сердце прочно и навсегда поселился Кирилл – ее школьная, первая и, как она была уверена, единственная любовь. Кате даже пришлось утешать ее несколько лет назад, когда тот после одиннадцатого класса, проведя с Ирой все лето, молча и без объяснений укатил учиться в Москву.

И вот теперь, спустя два года, Кирилл вернулся. С новым другом, Егором – одноклассником и, по слухам, сыном какого-то депутата. Вернулся, чтобы показать столичному другу северное сияние. Ира, естественно, использовала шанс, организовав эту вылазку в заповедник на выходные, забыв про разбитое сердце и пролитые слезы. Теперь она старательно возилась у костра, пытаясь через идеальный походный ужин снова покорить сердце Кирилла. Заметив Катю, Ира весело помахала ей черпаком и снова погрузилась в готовку.

А Катя стояла посреди дороги между лагерем и озером, ломая голову над главной загадкой: как этот чужак, этот москвич, сумел за пару дней так бесцеремонно вторгнуться в ее жизнь и поселиться в сердце? Это было необъяснимо, нелогично и просто пугающе.

– Обиделась? – спросил Егор, провожая Катю взглядом.

– Да не, – усмехнулся в ответ Кирилл. – Не обращай внимания. Девка она классная и умная. Так что просто так тебе не даст. – Он подтолкнул друга локтем в бок.

– С чего ты решил, что мне от нее что-то нужно? – Егор снова решил понаблюдать за северным сиянием, которое резко контрастировало на фоне черной глади озера.

Он, конечно, соврал Кириллу. Катя нравилась ему. Сильно. Взгляд ее голубых глаз, в котором таилось куда больше, чем простое дружелюбие, завораживал. Даже ее улыбка была особенной. В уголках губ светилась теплота, а в самой глубине взгляда пряталась усталость. Тонкая, хроническая, как намек на давнюю боль. И казалось, он один это замечал. Остальные видели умную, серьезную, даже слегка колючую девушку. А он различал за этим человека, загнанного в угол. Чувствовал кожей, потому что узнавал в ней себя.

Егор и сам жил по указке. Родители давно расписали его жизнь как маршрутный лист: престижный вуз, правильные связи, успешная карьера. Он послушно шел по накатанной колее, а в душе вынашивал единственную, тихую и настойчивую мечту о свободе. Поэтому, когда Кирилл предложил сбежать на неделю в Заполярье, нарушив все мыслимые родительские

запреты, Егор согласился не раздумывая. Это был не просто побег. Это был вызов самому себе, системе, всей своей прежней жизни.

И теперь, стоя на краю бездонной черной глади Имандры под переливами сияния, он понимал, что оно того стоило. Мороз, выжимающий слезы, звенящая тишина, пугающая своей первозданностью, – все это было не страшно. Это было по-настоящему. Впервые за долгие годы он чувствовал не контроль, а простор. Егор был свободен и... счастлив. И этот миг, этот холодный, сияющий во тьме миг, принадлежал только ему.

– Да ладно, я же вижу, как ты на нее пялишься. – Вырвал его Кирилл из своих мыслей. – Но вот че я тебе скажу... Катку я знаю с младших классов. Она уже с детства была главной красавицей школы и к тому же отличницей. И парней выбирает себе не по красоте, а по уму, понял? – Кирилл постучал пальцем по виску.

– Так у меня вроде с этим все в порядке.

– Да, но вот только ты это... столичный, понимаешь? – Кирилл покосился через плечо на темный лес, где среди деревьев на небольшой поляне горел костер, а вокруг него стояли две палатки. – Так что, если захочешь ей вдуть, то сегодня самое время, а то завтра вернемся в город и там ты ее вряд ли уломаешь. Ирку я отвлеку. – Он хитро подмигнул другу.

– Да ничего я не хочу! – возмутился Егор и быстро обернулся на лагерь, словно опасаясь, не услышали ли его там девчонки. – Просто нравится она мне.

– Так иди и... – остальную фразу Кирилл закончил движениями таза вперед и в такт ему жестами рук.

– Ну ты и озабоченный! – Егор шутливо толкнул Кирилла в плечо и рассмеялся.

– А че? С Ирккой я этим и займусь ночью, в отличие от тебя, – рассмеялся в ответ Кирилл и так же толкнул друга в плечо.

Егор лишь сделал шаг назад, чтобы поймать равновесие после толчка, но его нога угодила в снежный карниз края небольшого оврага перед озером. Кирилл даже не успел среагировать, чтобы поймать друга, как тот уже летел кубарем вниз. Внизу раздался шлепок об воду. Кирилл всматривался с ужасом в темный берег озера.

– Живой?! – крикнул он, ища взглядом безопасный способ спуститься вниз.

– Да! – не сразу раздался снизу голос Егора. Он уже поднимался с земли с намоченными рукавами пуховика. Перед глазами все еще вертелась картинка снега и ночного неба с северным сиянием. – Твою мать! – Егор смотрел на намоченные перчатки и пуховик, которые уже начали леденеть на морозе. Он быстро снял перчатки и растер руки.

Сзади послышались звуки хруста веток и камней. Через мгновение рядом с Егором стоял перепуганный Кирилл с включенным фонариком на телефоне.

– Цел? – спросил он, направляя свет на Егора.

– Да, но ненадолго. Я весь промок. – Егор показал масштабы бедствия, и Кирилл тут же повел его обратно в лагерь.

АРТЫ К ГЛАВЕ 1

ГЛАВА 2

В лагере царила безмятежная тихая обстановка. Ира и Катя сидели у костра. В котелке доваривалась гречневая каша с тушенкой. Ира помешивала ее ложкой, чтобы та не пригорела.

Катя размышляла о Егоре, и эти мысли разрывали ее на части. С одной стороны, стать для него девушкой на одну ночь не в ее правилах. Это было бы предательством по отношению к самой себе. Но, с другой стороны, он манил. Он смотрел на нее так, как не смотрел никто. Егор словно видел ее боль и усталость, которые она так тщательно прятала ото всех, маскируя под безразличие и отрешенность от мира. В его взгляде не было жалости, он будто все понимал. И это тянуло ее к нему с силой, против которой доводы разума казались хрупкими и неважными. Ей отчаянно хотелось подойти ближе, разгадать эту загадку, и в этом желании таилась смутная, пугающая надежда.

– Кать, ну чего ты мнешься? Ты разве не видишь, как этот москвич на тебя смотрит? – постучав черпаком по котелку и сбрасывая с него остатки гречки обратно, спросила Ира, прерывая затянувшееся молчание.

– Вижу, не слепая. Только что толку? Завтра вернемся в город, потом у него с Кириллом еще пара экскурсий, а после они уедут и поминай как звали! – Катя сложила руки на груди и поежилась от холода, чуть наклонилась поближе к костру.

– Ох и дура ты, Катька! Если хочешь уехать из Мончегорска, то вот он твой шанс! Хватай мужика и вали с ним в Москву! Не сейчас заберет, так позже, главное успеешь его зацепить, пока время еще есть.

– Зацепить... – выдохнула Катя, наблюдая, как струйка пара, выпущенная изо рта, медленно растворяется в ледяном воздухе. – Как будто это так легко сделать. Для тебя-то раз плюнуть, а мне с моим характером... гиблое дело, – Катя поморщилась и потеряла рукавичкой переносицу.

Ира недовольно фыркнула и закатила глаза, подставив руки огню.

– Так ты это, проще будь. А то вон, глянь на себя, ошетибилась все, как ежик, скрутилась в клубок, выставила иголки, и ни с какой стороны к тебе не подойти. Весь день только и делаешь, что с Кириллом пререкаешься вместо того, чтобы Егорку обхаживать, – усмехнулась Ира. – Мне вот Кирилл нужен, люблю его и все тут. Хоть и понимаю, что он за каждой юбкой бегаёт. Но ведь приехал же! И позвонил сразу! Что-то же это значит?

– Так он скоро снова уедет! А ты опять останешься с разбитым сердцем. Страдать опять будешь... – Катя подняла обледеневшую ветку и стала ковырять ею угли.

– Буду. Но что поделать: волков бояться – в лес не ходить. Подумаешь, сердце... Ну и что? Только сильнее стало. Теперь оно у меня, знаешь, боевое! – Ира погрозила в темноту сжатым кулаком в теплой перчатке, и в ее улыбке мелькнула знакомая всем бесшабашность, которая всегда маскировала скрытую в глубине души боль.

– Боевое... – повторила за подругой Катя. – Израненное оно у тебя! Болит. Ты поэтому всем своим мужикам сердца разбиваешь? В отместку? Только месть эта не по адресу!

Ира уже собиралась парировать, но в этот момент за палатками резко хрустнула ветка. Обе девушки вздрогнули и синхронно обернулись на звук. В просвете между деревьями мелькнула и растворилась в ночи черная, бесшумная тень.

– Кирилл?! – позвала Катя, ища глазами в темноте источник шума.

Прежде чем она успела сдвинуться с места, Ира шагнула вперед, зажав в руке черпак, как оружие.

– А ну-ка, вылезайте из леса, оба! – прогремел ее голос, нарушая лесную тишину. – Или я этим черпаком отобью вам все желание шутить!

– Че за шум, а драки нет? – спросил Кирилл, внезапно появившийся со стороны озера. Егор с удивлением посмотрел на воинственно настроенную Иру.

– Вы зачем нас пугаете?! – разозлилась Катя и едва не накинулась с кулаками на Кирилла. – Это вы там в лесу шумели?

Ира фыркнула и опустила черпак.

– Мы на озере были, – ответил Егор, подходя к Кате ближе.

Он перекрыл девушке дорогу и поймал за запястья. Она ощутила, какими ледяными были его руки и куртка.

– Почему ты мокрый? – Боевой настрой Кати тут же угас, а голос предательски дрогнул, выдавая страх.

Встретившись взглядом с Егором, она тут же отступила, но при этом успела злобно зыркнуть на Кирилла, который в ответ лишь ухмыльнулся.

– Да в воду случайно упал, – пожав плечами, ответил Егор и тут же уселся у костра греть замерзшие ладони.

– Случайно? – уперев кулаки в бока, спросила с грозным видом Ира и перевела взгляд на Кирилла.

– Я не при чем, – Кирилл поднял руки, капитулируя, и сел рядом с Егором у костра. Он попытался ухватиться за крышку котелка, но тут же обжегся. – Ай! – Кирилл опустил пальцы в снег.

– Так тебе и надо, – усмехнулась Ира. – Нечего в котелок без спросу лазить.

– Ох, Ирка, тяжело будет твоему мужику с тобой сладить! Сживешь же его со свету, – покачал головой Кирилл.

– Со свету не сживу, а вот под каблук возможно поставлю, – парировала она, снимая с котелка крышку.

Катя уселась напротив Егора и бросила на него украдкой взгляд. Оказывается, он тоже посматривал на нее. Она тут же опустила глаза и понадеялась, что при свете костра, он не увидел, как у нее покраснели щеки.

– Ты в порядке? – спросила его Катя, пока Ира и Кирилл продолжали перепираться.

– Да вот куртку промочил. Высушить надо. А ты как? – Егор улыбнулся и, наконец, посмотрел на нее прямо.

– В каком смысле как? Нормально, не я ж озере искупалась, – ответила она, и тут же прикусила язык, боясь, что сказанное ею могло прозвучать грубо.

– Да ерунда это, – усмехнулся Егор, пододвигая ближе к огню мокрые рукава. – Зато будет что вспомнить. Слушай, а мы могли бы...

Егора прервало наглое вмешательство Иры, которая протянула ему тарелку с мясом и гречкой.

– Держи, пока не остыло, – сказала она, и набрала в черпак новую порцию.

– Спасибо, – Егор осторожно водрузил тарелку с едой на свои колени и переглянулся с Катей. Она уже ухватила за термос, чтобы налить всем чаю и явно не хотела продолжать пока что их разговор.

– Погоди-ка! – Кирилл быстро направился к своему рюкзаку в палатке. Вернулся он оттуда с полулитровой бутылкой виски. – На-ка, налей нашему замерзшему столичному гостю. Это лучше чая согреет.

– Не, я не хочу, – запротестовал Егор, отмахнувшись.

– Пей говорю! – приказал Кирилл.

Катя нерешительно отставила термос в сторону и взяла из рук Кирилла бутылку.

– Всем тогда наливай! Не один же москвич у нас замерз, – Ира подставила Кате свою кружку.

Когда всем было налито, Кирилл поднялся со своего места.

– У меня тост! Предлагаю выпить за сияние! Которое ты, мой друг, – Кирилл положил руку на плечо Егора и сжал его, – так мечтал увидеть. И вот оно! Перед тобой во всей красе! – Он указал кружкой на северное сияние в небе.

– За сияние! – поддержал его Егор.

– За сияние! – подключились Катя и Ира. После чего все четверо чокнулись кружками.

Кирилл, самодовольно улыбаясь, плюхнулся на место и с волчьим аппетитом принялся за кашу. Катя заметила, как Ира, опустив голову, пытается скрыть счастливую, глупую улыбку, расплывающуюся по ее лицу. Их взгляды встретились с Егором. Он тоже видел это. Но в отличие от него, Катя не испытывала умиления. Ее взгляд скользнул на Кирилла, и внутри закипела знакомая злость. Она не могла простить его. За ту боль, что он причинил в Ире. И глядя на то, как он с аппетитом уплетает ужин, явно необремененный ни чуточкой раскаяния, она понимала, что он не изменился. Ни капли. Терпела она его рядом только ради подруги. И лишь присутствие Егора, спокойного и чужого, невинного в этой истории, служило ей тем самым громоотводом, сдерживая ее от того, чтобы не высказать «другу детства» все, что она о нем думала уже очень давно.

– Егор, а я тебе рассказывал про местные легенды? – с набитым ртом спросил его Кирилл, отставляя на бревно пустую тарелку.

– Не-а, – помотал головой Егор, запивая еду горячим чаем. – Я думал на экскурсиях послезавтра расскажут.

– На экскурсиях фигня, не то, – протянул Кирилл. Он уперся руками в бревно, вытянув ноги к самому огню. – А вот местная байка куда круче. Жил, говорят, старый охотник, и была у него дочь-красавица, звали Имандра. Быстрая такая, смех звонкий, залиvistый. Ну и влюбился в нее охотник. В общем, погнался он за ней по горам, сорвался и того... разбился короче. А Имандра так убивалась, что слезы ее целое озеро наплакали. Вот это озеро. – Кирилл кивнул в сторону темнеющей в отдалении Имандры. – Прикольно, правда?

– Жаль, что ты в озеро не свалился, когда сбежал два года назад, – съязвила Ира.

– Ага, – поддакнула Катя. – Тебе ли о чужих слезах рассказывать?

Кирилл изучающе на нее посмотрел и перевел взгляд на Иру.

– Че, все еще дуешься из-за того лета? – усмехнулся он.

Ира резко подняла на него взгляд. В ее глазах вспыхнул гнев, смешанный с разочарованием. Он так и не понял, сколько боли ей причинил своим отъездом.

– Больно надо! – фыркнула она, стараясь, чтобы ее голос прозвучал максимально безразлично, но получилось слишком нарочито. – Чушь все это! Байки твои... Настоящие слезы не озера создают, а людей ломают.

Кирилл фыркнул, сделав глоток из кружки, и отвернулся, демонстративно глядя в сторону озера.

– Ну вот, началось, – проворчал он с преувеличенной усталостью. – Привез друга на красоту посмотреть, а меня тут во всех грехах обвиняют! – Он повернулся к Егору, полностью игнорируя Иру. – Видишь, какие у нас северные девки суровые? Одно неверное слово, и смотри в оба. Глазом не моргнут, в этом же слезливом озере и притопят! – Кирилл хлопнул друга по колену и поднялся с места. – А ты Ирка не кипятись, а то смотри, сама ко дну со своими обидами пойдешь.

Кирилл резко поднялся, пнул ногой кусок льда и пошел в сторону леса.

– Что и требовалось доказать, – подытожила Катя. – Как был козлом, так козлом и остался.

Между остальными повисло неловкое молчание. Егор откашлялся, нарушая тягостную тишину.

– Знаете... – начал Егор, и обе девушки машинально устремили на него взгляды. – Мне эта история с Имандрой кажется... слишком правильной. Слишком красивой, чтобы быть

правдой. Красота – он ведь часто как яркая обертка. Смотришь и глаз не оторвать, а развернешь... внутри пустота. В Москве я таких «подарочных упаковок» насмотрелся. – Он сделал небольшую паузу, глядя на огонь. – А настоящее оно не всегда красивое. Оно вот где – он постучал пальцем у виска, – и здесь, – приложил ладонь к груди. – Там, где ум и честность. И вот за это, мне кажется, можно было бы и с горы сорваться. За настоящее, а не за картинку.

– Ох, и наивный ты парень, Егор, – фыркнула Ира, выпив одним залпом содержимое своей кружки, – но вы точно с Катей два сапога – пара!

Она встала и тоже ушла. Егор и Катя посмотрели ей вслед.

– Насколько все плохо? – поинтересовался Егор у Кати.

– Не знаю, – честно призналась она, пожав плечами.

Они с Егором видели, как Кирилл вышел из леса и, неспешной походкой, подошел к Ире. Та стояла у палатки, пытаясь закурить, но ветер не давал зажигалке сработать.

Они увидели, как Кирилл что-то сказал ей, и его рука убрала с ее лица непослушную прядь. Увидели, как с Иры словно сдуло весь ее боевой запал и обиду. Плечи расслабились, выражение лица смягчилось.

Кирилл склонился к ней медленно, давая возможность отстраниться, но она не сделала этого. Их губы встретились. Сначала робко. Ира уперлась ладонями в его грудь, словно хотела оттолкнуть. Кирилл в ответ лишь крепче обнял ее, и поцелуй превратился из робкого в страстный и нетерпеливый. Не говоря ни слова, он осторожно, почти не отрываясь от ее губ, развернул ее к темному прямоугольнику входа в палатку и мягко, но настойчиво толкнул внутрь.

Егор и Катя переглянулись, краснея.

– Ну вот и помирились, – с сожалением выдохнула она, переводя взгляд на огонь.

– Расскажешь еще про это место? – перевел тему Егор, делая все, чтобы не слышать звуков, доносящихся из палатки.

– Да что тут рассказывать... Маленький промышленный городок, рутинная жизнь. Хотя знаешь... У нас есть и другие легенды, – голос Кати звучал ровно, она чуть повысила голос, чтобы заглушить звуки возни в палатке. – Не такие... красивые. Их оставили нам саамы. Те, кто жил здесь задолго до нас. – Она посмотрела в сторону темного леса. – Например, о Мяндаше – человеке-олене. Они верили, что весь их род пошел от этого божественного существа. Поэтому и охотились на оленя с особыми обрядами. А еще... – она слегка поежилась, – они думали, что северное сияние – это души. Души предков, что танцуют на небе. И если при них свистеть, или смеяться, или петь... они могут услышать. И спуститься. Могли унести с собой. Или даже... – Катя на мгновение замолчала, – отсечь голову тому, кто их потревожил. В такие ночи старались говорить шепотом. Если вообще говорили.

– Ну и жуть, – усмехнулся Егор, поднимая взгляд к небу, глядя на северное сияние. – Не хотел бы я, чтобы оно и впрямь спустилось вниз.

– Да пошел ты! – раздался вдруг крик Иры.

Егор и Катя машинально обернулись и увидели, как Ира выбиралась из палатки с таким видом, будто собиралась ее разорвать на куски. Они поднялись к ней на встречу. Ира плакала. Следом из палатки показался Кирилл, застегивая на ходу штаны.

– Ир, ну подожди. Ты ж сама этого хотела с самого моего приезда, – оправдывался он.

– И чего же я хотела?! – Едва сдерживая слезы, вспыхнула она. – Господи, какая же я дура, – Ира отвернулась и вытерла слезы. – Катя была права, ты никогда не изменишься!

– А на что ты рассчитывала? Что я вернусь в эту дыру, остепенюсь и женюсь на тебе? – фыркнул в ответ с раздражением Кирилл. – Если так, то тогда ты действительно дура. И зачем вообще было сейчас все портить?! У нас ведь был отличный секс!

Ира медленно повернулась к нему. Слезы на ее щеках блестели в свете костра.

– Знаешь, что Кирилл? Ты прав. Я была дурой. Думала, что разбитое сердце закаляет. А оно просто учит отличать настоящую боль от дешевого удовольствия. Секс и правда был

отличный. – Она кивнула. – Спасибо за... напоминание. И за последний урок. Не хочу тебя больше видеть! Никогда!

Она посмотрела на него будто в последний раз.

– Не возвращайся больше. Не звони. Игра окончена. И я, наконец, выхожу из нее победительницей. Потому что ты останешься там, на своем дешевом празднике жизни. А у меня еще все впереди! Только уже без тебя! – Ира развернулась и пошла прочь в сторону тропы, ведущей к машине.

– Ира, стой! – попыталась ее остановить Катя. – Ну ты и сволочь! – бросила она ядовито Кириллу.

– Нет, Кать. Я больше не собираюсь оставаться рядом с ним. Я возвращаюсь домой, – не сбавляя шага ответила Ира и исчезла в темноте леса.

Катя вернулась в лагерь и бросилась к рюкзаку в поисках фонарика.

– Ох уж эти бабы, – нервно усмехнулся Кирилл, глядя на темный лес, в котором исчезла Ира.

– Я согласен с Катей, – тихо, но твердо сказал Егор. – Ты был неправ. И тебе стоит пойти и извиниться перед Ирой. Ты повел с ней как настоящий мудака, – Егор с осуждением смотрел на Кирилла.

– Да еще чего! За дурами бегать не собираюсь! – воспротивился Кирилл.

Егор заметил, как Катя достала фонарик и уже собралась направиться в лес.

– Стой! – Он перегородил ей дорогу. – Давай я ее поищу, а ты лучше оставайся в лагере.

– Егор видел сомнения Кати. – В худшем случае притащу ее на себе, если будет упираться.

– Ладно, – сдалась Катя, со страхом глядя на темный лес, и отдала Егору фонарик.

Егор благодарно кивнул ей в ответ и побежал в лес вслед за Ирой.

Кирилл и Катя переглянулись.

– Хоть у кого-то из вас двоих есть совесть. Как думаешь, после всего этого Егор еще будет твоим другом? – Катя недовольно сложила руки на груди.

Кирилл оценивающе посмотрел на нее, но явно задумался над ситуацией.

– Твою мать! Ладно! – махнул он рукой и побежал следом за Егором.

ГЛАВА 3

Кирилл несся по лесу, по узкой натопанной тропе, резко контрастировавшей с белизной девственных сугробов. Заповедник был паутиной таких тропинок и перекрестков, где сбился бы с пути не то, что приезжий, но даже и местный. Мысль о Егоре, который мог сейчас плутать в этой мерзлой чащобе, с неприятным ощущением подобралась к его горлу. Но этот страх был мимолетным. Он найдет его. Отец, владелец туристической базы, с самого детства водил его в этот лес. Он знал эти ходы как свои пять пальцев. Каждый поворот, каждое дерево – все было своим, родным, знакомым.

– Егор! – позвал на бегу Кирилл, мысленно проклиная Иру за ее истерику.

Они прекрасно провели время в палатке, и все было бы идеально, если бы после секса Ира не заговорила о будущем. «О каком будущем?» – Кирилл тогда почти физически ощутил подкативший к горлу ком. Он был статным жеребцом на воле, в самом соку, жаждущим объять все, что может предложить жизнь. Мысли о семейном якоре вызывали у него желание рвануть прочь. А Ира, видимо, чувствовала, что лишь она одна способна его обуздать. Этот страх, этот пресс ответственности и заставил его два года назад молча укатить в Москву. Даже не попрощавшись... Кирилл яростно потрянул головой, отгоняя неприятные мысли. Наверное, Катя была права. Он просто струсил.

В этот момент впереди мелькнул среди деревьев огонек фонарика, и Кирилл заметил знакомую фигуру Егора.

– Егор! – закричал он со всей силы.

Последнее, что увидел Кирилл, это как Егор обернулся на его крик. Луч фонаря резанул по глазам, ослепил. А после последовал сильный удар по голове, отчего весь мир вокруг него закачался и погрузился во тьму...

Егор всматривался в темноту позади себя, откуда раздался голос Кирилла, но его самого не увидел.

– Кирилл! – закричал он в ответ, шаря фонариком между деревьями.

Он еще несколько секунд постоял на месте, и решив, что ему показалось, рванул туда, где в последний раз видел Ирины следы.

– Ира! – Егор бежал вперед, подсвечивая себе дорогу.

Тропинки, так похожие одна на другую, петляли, сливались и разветвлялись. Ориентир совсем сбился. Егор уже не понимал, где уже был, а какой маршрут новый. Ему начало казаться, что он бежит по кругу, и его охватил страх заблудиться в этом темном мрачном лесу. Он вынужден был часто останавливаться, высматривая на снегу хоть один свежий след девушки. Где-то в стороне ему послышался то ли смех, то ли всхлип. Он свернул налево, рванул на звук и внезапно вдохнул теплое облачко мелкой пылицы или праха, выплывшее из-за покореженного ствола сосны. Егор закашлялся. Машинально глотнув ртом воздух, он отмахнулся и тут увидел ее.

Ира стояла впереди, на перекрестке, где кроны расступались, открывая кусок неба. Она кружилась на месте, раскинув руки, и хохотала. Громко, надрывно, неестественно. Ее взгляд был прикован к ползущим по небу зеленым сполохам северного сияния.

Егор хотел было подойти, но земля вдруг ушла из-под ног. Все поплыло перед глазами и закачалось. Лес словно ожил, стволы закружились вокруг него темным хороводом. Сияние то накатывало вплотную, то отступало. Звезды завертелись в бешеном калейдоскопе. И от этого стало дико, истерично смешно. Где-то на дне сознания шевельнулась мысль, что его одурманили, но она тут же растеклась, как вода.

Егор потряс головой, пытаясь прогнать наваждение. Мысли немного прояснились. Он, пошатываясь, пошел к Ире, но едва сделал пару шагов, как помутнение накрыло с новой силой. Ему нестерпимо захотелось покружиться вместе с ней и стало так радостно на душе. Его охватило почти эйфорическое чувство счастья, что захотелось смеяться. В голос. Как в детстве.

Краем глаза он заметил какое-то шевеление среди деревьев. Сначала появились рога. Огромные ветвистые олени рога. Они будто мерцали под сияющим небом и притягивали взгляд. Егор заворуженно замер. Рога качнулись и двинулись на него. В их тени горели две красные точки, словно раскаленные до красна угли. Вскоре из тени появилось темное очертание древнего исполина.

Тело Егора сковал страх. Эти горящие глаза будто заглядывали в самую душу. Он попытался крикнуть Ире, привлечь ее внимание, но та замерла, уставившись в небо пустым, восторженным взглядом.

Фигура с рогами менялась на глазах, выпрямлялась, росла, превращаясь в человека, закутанного в грубые шкуры. Сквозь дурман в мозгу Егора вспыхнуло имя Мяндаша, о котором ему рассказывала у костра Катя.

Инстинкт самосохранения немного развеял туман в голове. Егор попятился, спотыкаясь, поднял с земли увесистую палку. Чудовище обошло их по кругу и направилось к Ире. Та обернулась, заметила Егора, помахала рукой, будто и не замечала, что они в лесу больше не одни. На лице ее повисла пустая улыбка. И в тот же миг Мяндаш буквально вырос позади нее, протянул к лапу с темными, острыми когтями. Егор рванул на помощь, но не успел. Одно движение. Плавное и невероятно быстрое. Голова Иры отделилась от плеч с тихим, влажным всхлипом. Фонтан теплой крови хлестнул Егору в лицо, залил куртку и штаны.

Егор вместо того, чтобы закричать от ужаса, вдруг захохотал. Дико, неконтролируемо, чувствуя, как смех рвется из горла помимо его воли. Ему показалось, что и Ира смеется. Точнее ее голова, которую Мяндаш держал за волосы, а она смотрела на него с той же безумной улыбкой.

Существо медленно повернулось к нему. Егор, захлебываясь хриплым смехом, отмахнулся палкой, попятился, развернулся и бросился бежать, не разбирая дороги, назад в черную чащу. Ему казалось, что Мяндаш тихо насмехается над ним.

В это время Кирилл, очухавшись после удара, вернулся в лагерь, держась за разбитую голову. К нему тут же подбежала Катя.

– Что произошло? Где Ира? Где Егор? – сыпала она вопросами.

– Да хрен его знает, – прокряхтел он, усаживаясь на бревно у костра. – Я искал их. Но кто-то шарахнул меня по башке палкой.

– Кто тебя ударил? Неужели Ира? – пыталась разобраться в ситуации Катя.

– Да не знаю я! – Кирилл скорчился от боли, сильнее прижимая руку к голове.

– Дай посмотрю, – Катя осторожно принялась осматривать рану. Кровь успела запечься, образовав на волосах жесткую корочку. – Шишка будет большой, но жить будешь. Нужно обработать.

Катя только повернулась к палатке, чтобы достать аптечку, как из леса вышел Егор. Весь в крови, с палкой в руке. Он тихо хихикал, глаза были пустые, невидящие. Под их изумленными взглядами он прошел мимо и сел на бревно напротив раненого друга, уставившись на огонь. Кирилл и Катя замерли, не в силах вымолвить ни слова.

– Егор... – Катя сглотнула подступивший ком к горлу, вцепилась от ужаса в плечо Кирилла. – Где Ира?

Ее уже начала колотить нервная дрожь, а грудную клетку сковало предчувствие неминуемой беды.

Егор поднял указательный палец кверху, указывая на северное сияние.

– Там, – безжизненно ответил он. – Она слишком громко смеялась. И за ней пришел Мяндаш. Снес ей голову.

Егор расплылся в неестественно широкой улыбке.

– Просто... хоп! – Он замахал руками, показал, будто одной вцепился в волосы Иры, а другой отрубил. – И все. Нет головы.

И он начал смеяться. Тихо, почти беззвучно, лишь плечи слегка вздрагивали. Кирилл и Катя в ужасе смотрели на него.

АРТЫ К ГЛАВЕ 3

ГЛАВА 4

Полицейский участок в Мончегорске мало чем отличался от других провинциальных казенных заведений. Здесь пахло сыростью, дешевым растворимым кофе, и все здание в целом выглядело каким-то уставшим, хоть ремонт здесь и делали совсем недавно. На стенах лежала свежая краска, пластик оконных рам еще не успел пожелтеть, но специфика работы уже успела оставить свои следы. Царапины, потертости, черные полосы от подошв берцев. Все как везде.

Федор Кравцов шел по коридору, и ловил на себе любопытные взгляды снующих мимо оперативников. Эти взгляды ему были хорошо знакомы. Не в первой отправляли на расследование в маленькие городки, наподобие этого. В глазах местных откровенно читалась холодная настороженность. Еще бы! Москвич. Значит прислали сверху. Значит проблемы. Здесь никто не спрашивал, кто он и зачем приехал. Здесь уже все решили за него.

Он был одет так же, как и они: пуховик, теплые ватные штаны, зимняя шапка на меху, купленная в спешке перед вылетом. Но это не имело абсолютно никакого значения. Чужака видно не по одежде. Чужака видно по тому, как он смотрит по сторонам, как ищет таблички на дверях, как осторожно ступает по чужой территории. Федор старался держаться приветливо, здоровался, даже улыбался, но в ответ получал только короткие, сухие кивки головой.

Кабинет начальника он нашел быстрее, чем рассчитывал. Стучаться пришлось всего пару раз, прежде чем низкий, чуть сиплый голос произнес:

– Входите.

Федор вошел, осмотрелся. Кабинет был обставлен минималистично: сейф в углу, стол, стулья, портрет президента с чуть скошенной рамой. На подоконнике – засохший цветок в горшке. Кто-то пытался его спасти, но бросил на полпути.

За длинным столом Т-образной формы сидели трое. Начальник участка Анисимов Павел Петрович со сложенными на округлом животе руками по-хозяйски откинулся в кресле. Его острый взгляд лишь мимолетно скользнул по застывшему в дверном проеме Федору. Он едва заметно кивнул на свободный стул и вернулся к двум оперативникам, сидящим по обе стороны от него – женщине лет тридцати с короткой стрижкой и плотно сжатыми губами, и мужчине постарше, с едва начинающей пробиваться сединой в висках. Оба были в гражданском, и только портупеи с кобурой на боку выдавали их принадлежность к органам. Ну еще взгляд. Цепкий, оценивающий.

Федор прошел в кабинет, снял куртку, повесил на спинку и сел на свободный стул, приутившийся у торца стола. Так он мог видеть всех троих. Его взгляд невольно задержал на Анисимове, немногим дольше, чем следовало. Когда-то, почти двадцать лет назад, Павел Петрович служил в уголовном розыске Мурманска. Федор тогда, студентом-практикантом, ездил с ним на выезд. Дело о браконьерах. Мелочь, пустяк, но запомнилось, как Анисимов, здоровенный, как медведь, молча перевязывал раненую собаку, которую нашли на месте преступления. Пес смотрел на него так, будто знал: этот не бросит.

Сейчас Анисимов почти не изменился. Те же выпученные глаза, те же густые усы. Только форма обтягивала тучную фигуру ту же, а галстук, перевалив через солидный живот, волнообразно поднимался к шее. И взгляд стал другим. Раньше в нем было любопытство. Теперь – только тяжелая, многолетняя усталость.

– Кравцов, – начальник протянул Федору руку через стол и даже изобразил на раскрасневшемся лице подобие улыбки. – С прибытием! Как долетел? Погода нас тут не балует...

– Спасибо, Павел Петрович, – Федор ответил на рукопожатие. – Мне, видимо, повезло.

Оперативники молчали, сверлили московского гостя тяжелыми взглядами исподлобья. От женщины исходила неприкрытая враждебность, от мужчины, скорее любопытство, будто прикидывал, сломается он или нет в их суровом мирке, где не работали столичные методы и правила.

– Так, ладно, – Анисимов качнулся в кресле, потрескавшаяся от времени кожа противно скрипнула под ним. – Для начала, наверное, надо познакомиться. Работать придется вместе, хочешь, не хочешь... – Он махнул рукой в сторону Федора. – Капитан Кравцов, следователь из Москвы. Прислан для помощи в расследовании. Федор, это Елена Маркова и Евгений Волков.

– Можно просто Женя, – мужчина улыбнулся уголками рта и протянул Федору руку, которую тот крепко пожал. Женщина демонстративно не двинулась с места, продолжая проявлять открытое презрение.

– Они ведут это дело, – продолжил Анисимов. – Присутствие капитана здесь, я надеюсь, вам объяснять не надо. Учитывая, кто проходит главным подозреваемым.

Маркова, наконец, не выдержала.

– Что, отмазывать приехали? – Голос у нее был звонкий, резкий, как у школьной учительницы. – Папаша в министерстве уже нажал куда надо?

Федор посмотрел на нее, оценивающе. Не, как следователь, как мужчина. Красивая, злая, хваткая, с тем особенным напряжением в скулах, какое бывает у женщин на этой работе, когда им приходится из шкуры вон лезть, чтобы доказать, что они не хуже мужчин могут справиться с заданием. Федор таких видел ни раз. Они обычно правы, но им редко верят.

– Не-а. Если виноват – сядет. – Он закинул ногу на ногу, откинулся на спинку стула. – Но судя по тем документам, что мне я успел просмотреть во время полета, вряд ли в этом убийстве виноват Егор Дорофеев.

– Ох и лихо, – Маркова с грохотом захлопнула папку, лежащую перед ней и сложила руки на груди, словно защищаясь. – С ходу, без выезда, без осмотра. Просто полистали бумажки в самолете и решили: «А давайте-ка мы его выведем из числа подозреваемых». Красиво! Ничего не скажешь!

– С чего вы взяли, что это был не Дорофеев? – вмешался Волков. Он говорил спокойно, но взгляд был тяжелым. – Все указывает на него. Судя по показаниям свидетелей, подозреваемый вернулся в лагерь около десяти часов вечера. Вся его одежда была испачкана в крови жертвы. Это, между прочим, подтвердила экспертиза. Его буквально взяли с полочным! И показания – он сам сказал, что был там. Сам описал, как ей голову...

– Егор описал, как некто, кого он назвал Мяндашем, отрубил ей голову, – перебил Федор. – Олень с рогами. Легендарное существо. Вы правда считаете, что человек, который хочет оправдаться, придумает такое?

Волков промолчал. Маркова фыркнула.

– Мог симулировать. Дурку включил.

– Мог, – согласился Федор. – Но он не включал. Он в это верит. Его допрашивали трижды, и все три раза показания сходятся. Детали совпадают. Галлюцинация стабильна. Это не вранье. Это то, что он видел.

– Вы на самом деле считаете, что девушку убил саамский дух с оленьими рогами? – Маркова начинала выходить из себя.

– Я считаю, что ее убил кто-то, кто очень хотел, чтобы его таковым считали! – отрезал Федор.

Тяжелая, почти осязаемая пауза повисла в воздухе.

– Ладно, – нарушил тишину Анисимов. – Прекратите этот ненужный спор. Мы здесь не в угадку играем, а расследуем убийство! Если у тебя Федо есть какие-то конкретные мысли по делу, говори. Что предлагаешь?

– Найти тело, – развел руками Федор.

– Мы ищем, – отрезала Маркова. – Водолазы третий день обыскивают озеро и пока ничего не нашли.

– Не нашли, потому что его там нет.

Федор потянулся, взял папку с делом, раскрыл, полистал. Маркова следила за его руками, как будто боялась, что он может что-то украсть. Федор достал из файла фотографии, сделанные на месте преступления и принялся их методично раскладывать в одному ему понятном порядке. Три пары глаз неотрывно следили за его действиями.

– Для пущей наглядности, – он достал телефон, открыл карту местности, положил экраном вверх, – добавим сюда схему. Итак. Что вы видите на этих фотографиях?

– Кравцов, – Анисимов качнулся в кресле. – Давай без игр. Говори, что у тебя есть по делу?

– Начнем с того, чего у нас нет, – Федор кивнул. Собрал фотографии в стопку и постучал ею по столу, выравнивая края. – Тела нет само собой. Но нет и следов крови, которые вели бы от места убийства. – Он разложил три снимка рядом. – Видите? Вот здесь, на перекрестке – лужа, брызги. Место, где отделили голову. А дальше ни одного следа. Ни волочения, ни переноса. Как будто тело испарилось.

– Мог отнести на руках, – уперлась Маркова. – К озеру. Потом вернулся в лес и вышел к месту стоянки.

– Мог бы... – Федор положил в центр фотографию Егора, перепачканного кровью, сделанную при задержании. – Но посмотрите, как он испачкан. Кровь на груди, на рукавах, на лице. Брызги – сверху вниз. Он стоял рядом в момент убийства. Если бы он понес тело, следы были бы другие – на спине, на боку. И главное: на снегу остались бы следы. Глубокие, потому что он шел с грузом. Но их нет.

Он замолчал, давая остальным возможность переварить услышанное.

Маркова молчала. Волков смотрел на фотографии, шевеля губами, будто считал что-то про себя.

– И это не все, – Федор достал из внутреннего кармана куртки распечатку, развернул. – В крови Егора нашли следы *Claviceps purpurea*. Спорынья. Гриб-паразит, содержит алкалоиды, родственные ЛСД. Вряд ли эти ребята в тот вечер решили словить кайф экзотическим способом. В показаниях обоих свидетелей по делу сказано, что они выпили немного виски. И все. В показаниях Дорофеева было что-то про облако пыли, которое он вдохнул в лесу.

Федор полистал отчет, ища нужное место.

– Ага, вот... Я предполагаю, что его и жертву накачали психотропными препаратами. Чтобы парализовать волю. Чтобы они не видели разницы между реальностью и галлюцинацией, – он повернулся к Анисимову. – Думаю, девушка даже не поняла, что с ней произошло.

– Красивая теория, – Маркова сложила руки на груди. – Только опять все косвенно. Он мог накачаться этим и после убийства. Мало ли, что он там из Москвы своей привез? Молодежь сейчас всякое пробует.

– Мог, – Федор не стал спорить. – Но у Егора не было мотива убивать Ирину.

Он сделал паузу. Посмотрел на Маркову. Та отвела взгляд – впервые с начала разговора.

– По словам все тех же свидетелей, у подозреваемого и жертвы не было конфликтов. Они даже толком не знали друг друга. Егор приехал в Мончегорск за три дня до убийства. Перова работала в местном магазинчике. Пересечений нет. Нет ссор, нет долгов, нет ревности, – Федор чуть наклонился вперед. – А мотив в убийстве... Мне ли вас учить? Это самое важное. Без него любое дело развалится в суде.

Маркова промолчала. Волков вздохнул и потер переносицу.

– Считаешь, что мы зря ищем тело Перовой в озере? – спросил Павел Петрович, нервно поморщившись.

– Уверен! – Федор взял одну из фотографий, положил в центр стола и ткнул в нее пальцем. – Оно где-то там.

Маркова склонилась к снимку. Волков перегнулся через стол. Анисимов медленно поднялся с кресла, подошел ближе, опершись тяжелыми руками о столешницу.

На фотографии был лес. Перекресток заснеженных троп. И в глубине кадра, среди голых ветвей, на уровне почти двух метров над землей виднелся темный, засохший след на сморщенной коре дерева. Кровь, которую не заметили с земли. Которая вела куда-то дальше, в чащу, прочь от озера.

– Это... – начал Волков, но задохнулся и не смог закончить.

– Это не Егор, – сказал Федор. – Это кто-то другой.

– Это еще ничего не означает! – Маркова подняла на него глаза, но в них уже не было враждебности. Скорее упрямство. – У нас тут не Москва! Здесь веками живут саамы и проводят свои ритуалы. Таких отметин в лесу – сотни!

Федор не стал ничего отвечать. Он смотрел на фотографию, но видел другое. Видел себя – двадцати двух лет, в этом же лесу. Тоже зима, тоже ночь, тоже труп, который не могут найти три недели. Та же уверенность местных: «свои не могли, это приезжий, залетный гастролер. Закрываем дело».

Он тогда был молодым, глупым и уверенным, что правда всегда всплывает. Не всплыла. Дело закрыли. Мужик, который на самом деле убил жену и закопал ее в лесу, умер своей смертью через пять лет, ни дня не отсидев в тюрьме.

Федор перевел взгляд на Анисимова. Тот смотрел на него спокойно, даже как-то потечески. И Федор понял: Павел Петрович его помнил. Помнил то дело, тот провал. И сейчас смотрел не на московского следователя, присланного отмазывать депутатского сынка. Смотрел на мальчишку, которому двадцать лет назад не хватило смелости настоять на своем.

– Я знаю, – ответил Федор Елене, – потому что сам здесь вырос.

Маркова моргнула. Волков поднял брови. Анисимов медленно кивнул, будто ждал этих слов.

– Родился в Апатитах, – продолжил Федор. – Учился в Мурманске. Практику проходил здесь, на Севере. – Он посмотрел на Анисимова. – У вас, Павел Петрович.

Маркова перевела взгляд с Федора на начальника и обратно. В ее лице что-то изменилось. Она еще не была готова доверять Кравцову, но уже была готова хотя бы слушать.

– Так вы... – начала она, но запнулась.

– Я приехал не чтобы отмазать Егора, – перебил Федор. – Я хочу докопаться до правды. Это и ваша задача, и моя. Мы по одну сторону. – Он помолчал. – И да, отец Дорофеева – замминистра. И да, меня прислали потому, что он позвонил кому надо. Но если его сын убийца, я первый скажу об этом на суде. Только он не убийца. А тот, кто убил, сейчас разгуливает на свободе. И он знает, что мы его ищем.

– Давайте найдем его! – хлопнул ладонью по столу Волков. Коротко, по-деловому. – Говорите, что нужно?

Федор улыбнулся. Впервые с того момента, как переступил порог.

– Люди. Карты заповедника. И доступ к вещам потерпевшей и подозреваемого. Все, что нашли в палатках. Одежда, телефоны, в общем, все что при них было, – он посмотрел на Маркову. – И давайте уже на «ты». Кажется, я тут надолго.

Маркова помедлила, потом коротко кивнула.

– Лена, – протянула она руку.

– Федор, – их пальцы переплелись в крепком деловом рукопожатии.

Он снова повернулся к фотографиям, разложенным на столе. За окном начинался снегопад – крупные, медленные хлопья, которые к вечеру заметут все следы. У них было мало времени.

Анисимов все еще стоял у стола, опираясь на него руками.

– Двадцать лет, – сказал он тихо, чтобы слышал только Федор. – Я думал, ты не вернешься.

Федор горько усмехнулся и посмотрел на фотографию, где на высоте трех метров темнел след, уходящий в лес.

– Я тоже так думал, – сказал он наконец.

ГЛАВА 5

Снег валил, не переставая, уже третьи сутки, заметая в заповеднике любые следы человеческого присутствия. Крупные хлопья покрывалом ложились на тропы, погребая под собой события той страшной ночи.

Федор Кравцов стоял на краю просеки, куда их привел навигатор. Дорога сюда заняла почти два часа. Вездеход с трудом пробивался через наметенные заносы, и теперь, заглушив мотор, они оказались в абсолютной тишине. Федор по привычке глянул на наручные часы, но Заполярье в это время года было неподвластно времени. Независимо от времени суток здесь всегда было темно. И даже в тот час, который на Большой земле считался полуднем, небо оставалось густо-синим, почти черным. И лишь мутная полоса у самого горизонта намекала на то, что солнце где-то там, за горизонтом, все еще существует.

Федор поднял голову. Северного сияния сейчас не было, вместо него только тяжелая темень, набухшая снеговыми тучами. Но он помнил его. Помнил так отчетливо, будто видел вчера. Зеленые, фиолетовые, иногда алые ленты, которые плясали над головой, когда он был пацаном и жил на Севере. Тогда они казались чем-то обыденным, почти скучным. А потом он уехал в Москву, и двадцать лет это небо над головой было усеяно просто звездами. И это казалось таким нормальным.

Он тряхнул головой, прогоняя лишние мысли, и двинулся вглубь леса, проваливаясь в свежие сугробы почти по колено.

Воздух в лесу был особенным. Плотным, будто осязаемым. И с характерным тяжелым запахом, который местные называли дыханием земли. Тишина стояла такая, что звон в ушах казался оглушительным. Ни птиц, ни ветра, только хруст снега под ногами, грубый и неуместный в этом замершем мире. Все живое в полярную ночь словно уходило в спячку, оставляя поверхность во владении холода и тьмы.

Маркова и Волков шли следом, стараясь не отставать. Елена то и дело вглядывалась в темноту между стволов, и Федор видел в ее почти суеверный страх, который этот лес внушал даже бывалым. Волков, напротив, держался собранно, постоянно сверялся с навигатором и иногда подсвечивал дорогу фонариком, хотя в этом и не было особой нужды, глаза уже привыкли к темноте.

Они вышли на перекресток троп, засыпанный слоем снега. Расходящиеся в четыре стороны ровные линии едва угадывались под белой пеленой.

Федор остановился, внутренне поежился. Даже спустя дни это место все еще будто дышало злом. Аж мурашки побежали по коже. Захотелось развернуться и бежать отсюда без оглядки.

В полярной ночи вообще все выглядит иначе. Предметы теряют четкость, границы размываются, тени становятся глубже и кажутся живыми. Каждый куст, каждая коряга могут притвориться тем, кем на самом деле не являются. Это все в купе только нагоняло жути.

– Здесь, – тихо сказал Волков. Он остановился, сверяясь с координатами. – Следы крови нашли здесь.

Маркова подошла ближе, достала камеру. Вспышка на мгновение вырвала из темноты стволы деревьев, заставив их отбросить длинные, искаженные тени. Волков с сомнением огляделся по сторонам.

– Тут все замело. Даже если что-то и было, то теперь не найдем.

Федор присел на корточки, снял перчатку и коснулся снега голой рукой. Ладонь тут же зацепалась. Он провел пальцами по поверхности, словно пытаясь нащупать то, что скрывалось под слоем снега.

– Не все, – ответил он, поднимаясь. – Кровь въедается в землю. Она все помнит. На энергетическом уровне.

– Вы прямо как шаман, – ухмыльнулась Маркова, но уже без злобы.

– Шаман, не шаман, – Федор указал на деревья, окружающие поляну, – а вот туда нам надо смотреть. Не вниз. Вверх.

Они подняли головы. Ветви сосен, раскидистые, мощные, кое-где образовывали естественные навесы на высоте нескольких метров, казавшиеся в темноте горбатыми существами, только и ожидавшими зазевавшегося путника, чтобы напасть.

– Мы ищем тот символ на коре? – уточнил Волков, пошарив лучом фонаря по стволам.

– Да, – кивнул Федор. – Найдем его, поймем, в каком направлении преступник унес тело. А там возможно найдем следы и на земле.

– Так все уже замело. Почти... – протянула Маркова, озираясь по сторонам.

– Вот именно. Почти! – возразил Федор. – Поэтому, поспешим.

Маркова сделала несколько кадров, потом опустила камеру и обвела взглядом поляну.

– Жуткое место, – сказала она тихо, будто самой себе. – Я тут уже была, но каждый раз... мурашки.

– Оно не просто жуткое, – отозвался Федор, вглядываясь в тени между стволами. – Оно древнее. Здесь верили в духов не потому, что были глупыми. А потому что это место заставляло верить. Даже если ты никогда не слышал никаких легенд. Особенно когда весь месяц темно.

Он замолчал, поймав себя на мысли, что говорит почти шепотом. Полярная ночь вообще располагает к шепоту. Она приучает не шуметь, не привлекать лишнего внимания. Саамы испокон веков верили в духов, которых ни в коем случае нельзя тревожить. Особенно в полярную ночь

Федор сделал шаг в сторону самого старого дерева на опушке – сосны с искривленным, узловатым стволом. Она показалась ему знакомой по снимкам из дела. А может профессиональное чутье подсказало, где искать. Снег у ее подножия лежал чуть иначе, будто что-то тяжелое падало сверху, сбивая нарост.

– Жень, посвети-ка сюда, – попросил Федор, указывая на место на стволе чуть повыше человеческого роста.

Луч фонаря скользнул по дереву, и там, на уровне примерно двух метров луч задрожал и остановился.

– Есть... – выдохнул Волков.

На стволе, поверх коры, темным, уже въевшимся пятном проступал рисунок. Не просто кровавое пятно как на фотографии, а четкий, уверенно нанесенный символ. Перевернутая спираль, расходящаяся лучами, с треугольником в центре. Древний, грубый, почти первобытный знак.

Федор замер, глядя на этот знак, и вдруг почувствовал, как затылок начало покалывать. Подобные чувства он испытывал только здесь, на Севере. Ощущение, будто кто-то смотрит на тебя из темноты. Он резко обернулся, но позади никого не было. Лес стоял неподвижно. Только тени чуть колыхнулись.

Маркова подошла ближе, подсвечивая себе фонариком на телефоне, и тихо ахнула:

– Это же саамский... я видела такие в краеведческом музее. Символ жертвоприношения. – Она сделала несколько крупных планов.

Федор молча разглядывал рисунок. Кровь уже почернела на морозе, но форма читалась четко. В голове роились вопросы. Зачем убийца нанес его? Чтобы задобрить духов? Чтобы отметить место? Чтобы оставить им послание?

– Думаю, он прятал тело здесь, – проговорил Федор, не отводя взгляда от символа. – Нанес этот знак ее кровью. А потом вернулся и забрал с собой.

– Но зачем? – Волков обошел дерево, подсвечивая снег вокруг. – Это что? Ритуал какой-то?

– Ритуал, – согласился Федор. – Только не для духов. Скорее, для нас. Чтобы мы знали – это не просто убийство. Это действие.

Он опустил взгляд к подножию сосны. Крови здесь было слишком мало для обезглавленной жертвы. Значит, тело во что-то упаковали. И потащили дальше.

Федор включил свой фонарь и направил луч вперед, чуть правее от дерева. Там лес немного редел. Сначала ему показалось, что снег лежит ровно, но потом, приглядевшись, он заметил, что нет. Едва уловимые впадины уходили цепочкой вглубь.

– Следы, – коротко бросил он и двинулся по ним.

Маркова и Волков последовали за ним, стараясь ступать след в след, чтобы не затоптать улики. Цепочка вела через редколесье, огибала валуны, ныряла в низины.

Минут через пятнадцать хода лес неожиданно кончился. Они вышли на открытое пространство – старую, давно неезженую дорогу, уходящую в обе стороны в темноту полярной ночи. Здесь снег лежал ровным полотном и следы на нем особенно выделялись. Они подходили к самой кромке дороги и затем исчезали. Вернее, переходили в широкие, размашистые полосы, оставленные снегоходом.

Федор остановился, упал на колени, разглядывая следы. Убийца донес тело до этого места. Загрузил в волокуши или на нарты. И уехал.

– Вопрос только – куда, – вслух подумал он.

Федор развернулся к Марковой и Волкову.

– Нужно отследить, куда ведет эта дорога. Найти все ответвления, все тропы, которые к ней примыкают.

Маркова уже достала телефон, быстро пролистывая карту. Через минуту она подняла глаза и поджала губы.

– Федор... эта дорога ведет к системе троп. Старых. Охотничьих и туристических. Тянется на десятки километров во все стороны. Выходы к озерам, к сопкам, к заброшенным избушкам. Если он воспользовался ею... – она запнулась, подбирая слова, – это как иголку в стоге сена искать. Можно год прочесывать и ничего не найти.

Федор смотрел в темноту, туда, куда уходила дорога.

– Иголка в стоге сена, – повторил он тихо. – Значит, будем перебирать сено по соломинке.

Он глубоко вздохнул, чувствуя, как морозный воздух обжигает легкие.

И где-то там, за густой пеленой облаков, сейчас плясало северное сияние – он почему-то знал это наверняка. Чувствовал кожей, как чувствовал когда-то в детстве. Оно было здесь всегда, даже когда его не видно. Просто ждало. Смотрело. Дышало.

АРТЫ К ГЛАВАМ 4-5

ГЛАВА 6

Катя уже третьи сутки не выходила из своей комнаты. Толком ничего не ела, почти не спала. Не хотелось вообще ничего. Даже плакать уже не могла. Слезы будто бы закончились в организме. Лицо осунулось, глаза покраснели, кожа была настолько бледной, что сквозь нее просвечивала каждая венка.

Она жила в небольшой трехкомнатной квартире в старой хрущевской пятиэтажке. Сером неприметном доме, едва отличимом от других построек в городке. Вечно нечищенные двора, редкие тусклые фонари, половина из которых вообще не работала, потому что вовремя не заменили лампочки. Но здесь почти всегда было тихо. Словно все вымерло за окном.

Катя лежала на кровати, уставившись в потолок. Она не знала, какой сегодня день, сколько сейчас времени. За окном было темно, что утром, что вечером. Полярная ночь не делала скидок на человеческое горе. Северное сияние, которое еще несколько дней назад казалось символом свободы, теперь висело над городом немым укором. Катя давно не подходила к окну, плотно задернула шторы. Не хотела его видеть.

В комнате царил полумрак. Свет она не включала, только тусклый ночник на прикроватной тумбе бросал желтоватое пятно на стену. На столе остывала нетронутая тарелка с супом, которую мать принесла еще утром.

В коридоре послышались шаги, потом осторожный стук в дверь.

– Кать, – осторожно позвала ее мать, но войти без приглашения не решилась, – может, поешь хоть немного? Я котлет поджарила. Ты так совсем сгинеешь скоро

Катя не ответила. Она слышала, как мать тяжело вздохнула за дверью, как постояла еще немного в нерешительности, а потом ушла обратно на кухню.

Через минуту дверь распахнулась. На пороге стоял Дима, ее брат-подросток.

– Третий день лежишь! – сообщил он ей. – Сколько можно-то?

– Отстань! – почти закричала на него Катя. – Столько, сколько нужно! Тебя забыла спросить!

На крик прибежала мама.

– Дима, что вот ты к ней лезешь? Сказано тебе было, не приставай. У нее лучшая подруга погибла. Она имеет право погоревать.

– Подруга... – буркнул Дима. – Я может не хочу, чтобы у меня сестра погибла, вот и лезу! Довела себя... Уже стала на зомби похожа.

– Дима, не смей так говорить! – шикнула на сына мать. – Иди к себе!

– Достали! – рявкнул Дима, забежал в свою комнату и смачно шваркнул дверь.

Мать только покачала головой, бесшумно закрыла Катину комнату и ушла, не проронив больше ни слова.

Катя зажмурилась. Слезы, которые казалось уже высохли, снова готовы были политься из глаз. Диме было всего пятнадцать. Он не понимал, что значит потерять близкого человека, с которым ты выросла, с которым делила все: секреты, радости, обиды. Иру нельзя было заменить, нельзя было просто пережить и забыть.

Из коридора донесся звонок в дверь. Катя услышала, как мать пошла открывать, потом приглушенные голоса, и через минуту уверенный стук в ее дверь.

– Кать, там к тебе... – мать запнулась, – Кирилл пришел.

Катя медленно села на кровати, спустила босые ноги, нащупала старенькие тапки. Первой эмоцией на это известие была злость. Зачем он пришел? Что ему от нее надо? Неужели не понимает, как ей сейчас плохо? Но потом она вдруг подумала, что ему возможно тоже плохо. Он ищет себе союзника в своем горе, а она подходила для этой цели, как никто другой.

– Пусть войдет, – хрипло сказала она. После трехдневного молчания голос казался чужим.

Дверь приоткрылась, и в проеме появился Кирилл. Выглядел он не лучше ее самой – осунувшийся, с темными кругами под глазами, небритый. Обычная его самоуверенность куда-то исчезла, осталась только растерянность.

– Привет, – сказал он тихо, переминаясь с ноги на ногу. – Можно?

– Заходи, – Катя кивнула на стул у стола.

Кирилл вошел, прикрыл за собой дверь и сел. Несколько секунд они молчали, пряча глаза друг от друга. Потом он перевел взгляд на нетронутую тарелку.

– Не ешь?

– Не хочу, – коротко ответила Катя.

– Понимаю, – Кирилл вздохнул. – Я тоже... третьи сутки кусок в горло не лезет. Следовательно замучили, мать рыдает, отец молчит. А я все время думаю – как так вышло? Мы ж просто отдохнуть поехали, красоту посмотреть...

Он замолчал, сжал кулаки.

– Зачем ты пришел? – Катя, наконец, посмотрела на него,

Кирилл поднял на нее глаза, и в них Катя увидела страх.

– Я хочу понять, Кать... Разобраться. Ну не верю я, что Егор мог Ирку убить! Он не такой!

От звука этого имени Катя вздрогнула. Она и сама много думала об этом. Как-то все это нелепо звучало. Зачем Егору убивать Иру? Они ведь были почти незнакомы.

– А не знаю, Кирилл... – выдохнула она глухо и закрыла лицо ладонями. – Я вообще ничего не понимаю...

– Клянусь тебе, – Кирилл подался вперед, – не он это! Я Егора два года знаю. Мы в одной группе учимся. Он мухи не обидит! Если кто на него полезет, то он скорее уйдет, стерпит, но драться не станет. А тут – убить?! Отрубить голову?! – Кирилл покачал головой. – Не верю. Просто не верю.

– Но он вернулся весь в крови, – тихо сказала Катя. – В Ириной крови! Мне следователь сказал. И с палкой, а у тебя шишка на голове. Все сходится! Может у него крыша поехала? Он ведь помнишь, что говорил... ну про Мяндаша.

– А ты видела его лицо, когда он вернулся? – зашептал Кирилл. – Он сам не свой был. Глаза стеклянный, пустые. Будто обдолбался чем-то.

– Он что-то принимает? – спросила Катя. – Ну там... В Москве?

– Нет! Ты что? – затряс головой Кирилл. – Ты знаешь, кто его родители? Да его отец убил бы, если б только он посмел. Он и к алкоголю обычно не очень. Там выпил только чтобы не простудиться... Я не знаю, что с ним случилось.

– Слушай, Кирилл... а вдруг он правда видел там что-то? Ну, этот... Мяндаш? Легенды же не на пустом месте возникли. Саамы веками верили...

Кирилл горько усмехнулся.

– Ты серьезно? В духов веришь? В человека-оленья? Думаешь он убил Ирку?

– Я не знаю, во что верить, – честно ответила Катя. – Но Ира мертва. Егор за решеткой.

Кирилл помолчал, потом снова зашептал:

– Слушай, я тебе не говорил... но я вчера случайно подслушал разговор следователей в участке. Ждал, пока вызовут на допрос, сидел в коридоре, а дверь в кабинет приоткрыта была. Ну и услышал краем уха...

Он сделал паузу, будто сомневаясь, стоит ли продолжать.

– Короче, они там между собой обсуждали, что в крови у Егора нашли какую-то дрянь. Гриб-паразит, спорынью, что ли. Алкалоиды, как в ЛСД. И что сам Егор на допросе твердил,

что в лесу вдохнул какое-то облако пыли. Прямо в лицо. А после этого все поплыло, и он уже не понимал, где реальность, а где галлюцинация.

Катя вскинула на него глаза:

– То есть его... одурманили? Специально?

– Выходит, что так, – Кирилл нервно сглотнул. – Кто-то распылил эту дрянь в лесу. Или Егор случайно наткнулся на это, или... это для него приготовили. Ну чтобы подставить, понимаешь? Не знаю. Но факт, что он был не в себе, когда вернулся.

Катя сцепила пальцы, переваривая услышанное.

– Значит, он не сошел с ума. Его просто накачали чем-то, и этот Мяндаш ему просто привиделся.

– Или не привиделся, – добавил Кирилл мрачно. – Там был кто-то еще. Тот, кто и убил Иру.

Они замолчали. В комнате было слышно только тихое гудение старого холодильника на кухне да редкие шаги матери, которая ходила по коридору, видимо, стараясь услышать, о чем говорили за закрытой дверью.

– Мы должны вытащить Егора! – Катя встала с кровати, подошла к окну, раздвинула шторы.

– Вот и я о том же! – закивал головой Кирилл. Наконец-то они пришли к пониманию. – Надо как-то это донести до следователей. Сказать им, что Егор никого не убивал!

– Думаешь, нам поверят? – вздохнула Катя.

– А что же тогда делать? – Кирилл поскреб пятерней затылок.

Катя резко обернулась к нему:

– Надо ехать в лес. Искать следы, пока их совсем не замело.

Кирилл побледнел:

– Ты с ума сошла?! Туда, где этот псих бродит? Катя, он Ирку... он голову ей... – Кирилл запнулся, не в силах произнести это вслух.

– А ты хочешь, чтобы Егора посадили за то, чего он не делал? – Катя с вызовом посмотрела на него. – Он ведь твой друг! Вот и помоги доказать его невиновность! Прекрати уже быть таким трусом!

Кирилл молчал, переваривая. Катя подошла ближе.

– Ты лес знаешь. Твои родители туризмом занимаются, вы всю округу исходили. Если кто и сможет найти что-то в этой чаще, то только ты.

– Опасно это, – глухо сказал Кирилл. – Если он там бродит до сих пор...

– А если мы ничего не сделаем, Егор сядет, – отрезала Катя. – И совесть тебе потом всю жизнь будет мучить.

Кирилл поднял на нее глаза. В них боролись страх и решимость, сомнение и чувство долга. Наконец он глубоко вздохнул.

– Ладно. Надо хоть чем-то вооружиться, если наткнемся на этого урода.

Катя кивнула.

– От отца ружье осталось. Старое, но стреляет. Оно на антресолях. Я достану, когда мать на работу уйдет.

– Я нож тогда возьму, – добавил Кирилл. – И фонари помощнее. И рации. Чтобы связаться, если что...

Он встал, подошел к окну, вглядываясь в темноту.

– Завтра с утра выезжаем. Чем раньше, тем лучше. – Он повернулся к Кате. – Только давай договоримся на берегу. Без самостоятельности. Если почувствуем опасность, то сразу уедем. ты...

– Обещаю, – Катя встретила его взгляд. – Мы сделаем. Ради Иры. И ради Егора.

Кирилл кивнул и направился к двери. У порога остановился.

– Кать... ты поешь. Ирка бы не хотела, чтобы ты себя гробила.

Дверь за ним закрылась. Катя постояла минуту, глядя в окно, потом подошла к столу, взяла ложку и заставила себя сделать первый глоток остывшего супа.

ГЛАВА 7

СИЗО в Мончегорске находилось в старом здании на окраине города – сером, приземистом, с облупившейся краской и решетками на окнах, которые в полярную ночь казались особенно зловещими. Федор Кравцов предъявил документы дежурному, прошел через металлодетектор и в сопровождении конвоира спустился по длинному коридору в следственный корпус.

Здесь пахло сыростью, хлоркой и еще чем-то неуловимо тоскливым, тем особым запахом мест лишения свободы, который не выветривается десятилетиями. Лампы дневного света гудели ровно, мертвенно, высвечивая казенные стены и железные двери с глазками.

– Дорофеев? – переспросил конвоир, молодой парень с уставшим лицом. – Третьи сутки у нас. Тихий, не бузит. Только... странный какой-то. В угол забился и сидит. На допросы ходит, но смотрит как... ну, будто не здесь он.

– Понял, – кивнул Федор. – Открывайте.

Камера для допросов была небольшой: стол, три стула, лампа под потолком. На одном из стульев, вжавшись спиной в спинку, сидел Егор. Он был в той же одежде, в которой вернулся из леса четыре дня назад: пуховик с темными, почти черными разводами засохшей крови, такие же штаны, грязные ботинки. Новую форму ему еще не выдали. То ли забыли, то ли не посчитали нужным.

Егор поднял голову на звук открывающейся двери. Взгляд у него был затравленный, бегущий, с тем особенным выражением, которое бывает у людей, переживших то, что не укладывается в голове. Он сжался еще сильнее, будто пытался стать меньше, незаметнее.

– Егор? – Федор вошел, стараясь не делать резких движений. – Меня зовут Федор Кравцов. Я следователь из Москвы.

Егор молчал, только смотрел на него настороженно.

– Я пришел поговорить, – Федор сел напротив, положив пустые руки на стол, показывая, что никаких записей, никаких протоколов пока нет. – Не как следователь. Как человек, который хочет разобраться, что там случилось.

Егор дернул плечом, но ничего не ответил. Федор выдержал паузу, потом спросил:

– Холодно тут у вас, да? – он кивнул на тонкую куртку парня. – Новую одежду еще не дали?

– Не надо мне ничего, – голос Егора был хриплым, срывающимся. – Я... я не знаю, что там было. Не помню почти. А если помню – это... это бред какой-то.

– Расскажи, – Федор говорил мягко, без нажима. – Даже если бред. Мне важно услышать все, что ты помнишь.

Егор закрыл глаза, и Федор увидел, как его пальцы вцепились в край стола, побелели.

Парень молчал, погрузившись в себя, но в какой-то момент видимо что-то для себя решив, снова посмотрел на Федора с настороженностью. Потом горько усмехнулся, покачал головой.

– Из Москвы, значит, – голос его звучал хрипло, с надрывом. – Местные меня уже три дня допрашивают. Смотрят, как на убийцу. А теперь еще и московский следователь явился. – Он дернул плечом. – Вы тоже решите, что я с катушек съехал. Все так думают.

Федор откинулся на спинку стула, разглядывая парня спокойно, без осуждения.

– А я не все, – сказал он просто. – Я вообще не люблю решать за других, не разобравшись. И в «слетел с катушек» не верю. Люди редко сходят с ума просто так. Обычно на то есть причины.

Егор поднял на него глаза, в них мелькнуло что-то похожее на надежду, но тут же погасло.

– Легко говорить. Вы мою историю не слышали.

– Так расскажи, – Федор сел напротив, положив руки на стол ладонями вверх, открыто. – Я пришел не обвинять. Мне нужна правда. Какая бы она ни была. Даже если она звучит как бред. Даже если ты сам в ней сомневаешься.

Егор долго смотрел на него, пытаясь понять, не ловушка ли это. Потом глубоко вздохнул и начал рассказывать.

– Мы поехали в заповедник, – начал он медленно, будто вытаскивая каждое слово из глубины. – Я, Кирилл, Ира, Катя. Хотели увидеть сияние. Кирилл говорил, что это... что это надо увидеть обязательно. Я из Москвы приехал, первый раз на Севере.

– Зачем приехал? – спросил Федор.

Егор открыл глаза, посмотрел на него, и в этом взгляде мелькнуло что-то живое, не забытое страхом.

– Сбежал. От родителей, от учебы, от... от всего. Они мне всю жизнь расписали по минутам: куда идти, с кем дружить, кем стать. А я просто хотел... свободы. Хоть на неделю. Кирилл предложил, я сразу согласился. Не думал даже.

Федор кивнул, показывая, что понимает.

– Ну и как тебе свобода?

Егор горько усмехнулся:

– Попал в тюрьму. Настоящую. – Он обвел взглядом стены камеры. – Лучше бы я дома сидел, честное слово. Отец меня убьет, когда узнает. Он же замминистра, у него все по расписанию, по правилам. А тут – сын в убийстве подозревается.

– Насчет отца не переживай, – Федор подался чуть вперед. – Это он меня к тебе и прислал.

Егор уставился на него недоверчиво.

– Что?

– Твой отец, Дорофеев-старший. У него связи в Москве. Как только узнал, что случилось, сразу добился, чтобы меня сюда отправили. Разобраться. Помочь, если смогу.

Егор моргнул, и в глазах его блеснули слезы. Он отвернулся, сжал челюсть, пытаясь справиться с эмоциями.

– Он же меня... он всегда такой жесткий был. Я думал, ему плевать.

– Похоже, не плевать, – мягко сказал Федор. – Так что давай, рассказывай все по порядку. Я тебе верю. Но мне нужно знать, что ты видел.

Егор глубоко вздохнул, собираясь с мыслями, и начал рассказывать. Сначала про тот вечер, про костер, про ссору Иры и Кирилла, про то, как Катя рассказывала легенды. Голос его становился все тише, когда он подошел к самому страшному.

– Я побежал за Ирой в лес. Кирилл потом тоже, но я его не видел. Только слышал, как он крикнул где-то позади. А потом... – Егор зажмурился, затряс головой. – Потом я вдохнул что-то. Прямо в лицо. Облако такое... теплое, как дыхание. И все поплыло.

– Что значит – поплыло? – уточнил Федор.

– Лес закружился. Деревья стали... живыми, что ли. Сияние спустилось вниз, оно было везде, я не понимал, где верх, где низ. И мне стало смешно. Дико, жутко смешно, хотя внутри все кричало, что это неправильно.

Егор открыл глаза, уставился в стену перед собой.

– Я увидел Иру. Она стояла на перекрестке и кружилась. Тоже смеялась. Громко, страшно. А потом... из леса вышел ОН.

– Кто? – тихо спросил Федор.

– Мяндаш, – выдохнул Егор, и в голосе его появился тот самый отстраненный ужас, который Федор уже ни раз слышал в показаниях свидетелей. – Человек-олень. С рогами, в шкурах. Глаза красные, как угли. Он смотрел на нас. А я... я не мог двинуться. Только смеялся.

Федор молчал, давая ему выговориться.

– Он подошел к Ире. Она обернулась ко мне, махнула рукой и улыбнулась... Она улыбалась, понимаете? Как будто это все игра. А он просто... – Егор провел рукой по горлу, дернулся. – Одним движением. Голова отделилась, и кровь... крови было так много. Она брызнула на меня, горячая, липкая. А я смеялся. Я не мог перестать смеяться.

Он замолчал, тяжело дыша. Федор видел, как парня трясет, то ли от холода, то ли от воспоминаний.

– А потом? – спросил он.

– Потом Мяндаш посмотрел на меня. Я подумал – все, сейчас за мной придет. Но он... не стал. Стоял и смотрел. А я побежал. Бежал, падал, опять бежал, не знал, куда. Лес кружился, сияние надо мной плясало. Я думал, оно меня сейчас схватит, утащит на небо, как Катя рассказывала. – Егор снова закрыл глаза. – А потом вышел к лагерю. И там Кирилл с Катей... и они смотрели на меня так, будто я монстр.

Федор выдержал паузу, давая парню прийти в себя.

– Егор, – сказал он наконец, – ты понимаешь, что все это могло быть галлюцинацией? В твоей крови нашли спорынью – грибок, который вызывает сильные видения, изменяет сознание. Кто-то распылил это в лесу. Ты вдохнул, и твой мозг нарисовал тебе Мяндаша.

Егор уставился на него, и в глазах его мелькнула надежда, тут же сменившаяся новым ужасом.

– Но, если это был не Мяндаш... значит, там был человек. Который убил Иру. Который это все подстроил. И он... – Егор побледнел еще сильнее. – Он видел меня. Я его видел. Он знает, что я могу опознать. Он за мной придет. Он за мной придет, Федор!

– Тихо, тихо, – Федор поднял руки, успокаивая. – Мне очень нужно, чтобы ты вспомнил... Ты видел лицо? Можешь описать того человека?

Егор замотал головой, вжимаясь в стену:

– Там были рога, шкуры... я не видел лица. Только глаза. Красные, горящие. Но это могли быть... линзы? Очки ночного видения? Я не знаю! – он схватился за голову. – Я ничего не знаю! Может, я сам это сделал? Может, это я убил Иру, а мозг придумал Мяндаша, чтобы защититься? Такое же бывает, да?

Он говорил все быстрее, голос срывался на истерику. Федор понял, что больше ничего не вытянет, парень на пределе.

– Егор, послушай меня, – сказал он твердо, но без жестокости. – Я тебе верю. Верю, что ты не убивал. И доказательства это подтверждают. Тебя освободят.

Егор замер, непонимающе глядя на него.

– Что?

– Следователи сейчас оформляют документы. Тебя выпускают из СИЗО. Под подписку о невыезде. Из города, естественно, уезжать нельзя до окончания следствия.

Егор смотрел на него так, будто Федор говорил на иностранном языке. Потом до него дошло, и он вдруг согнулся, закрыв лицо руками. Плечи его затряслись, то ли в рыданиях, то ли в беззвучном смехе облегчения.

– Спасибо, – выдавил он наконец. – Спасибо...

– Погоди благодарить, – остановил его Федор. – Дело еще не закрыто. Убийца на свободе. И мне нужна твоя помощь. Любая деталь, любое воспоминание может помочь.

Егор вытер лицо рукавом грязной куртки, пытаясь взять себя в руки.

– Я постараюсь. Честно.

– Хорошо. – Федор встал. – Тебя кто-то может забрать отсюда? Родные, друзья?

Егор задумался на секунду, потом поднял глаза:

– Кирилл. Если он... если он захочет. Мы же поссорились тогда, перед всем этим. Но он мой друг. Единственный здесь.

– Кирилл Поляков? – уточнил Федор. – Тот, с кем вы были в лесу?

– Да.

Федор кивнул:

– Я с ним свяжусь. И вообще, мне нужно будет со всеми вами еще раз поговорить. С тобой, с Кириллом, с Катей. Чем больше мы узнаем, тем быстрее найдем того, кто это сделал.

Егор поднялся, держась за стол, ноги его плохо слушались.

– Федор... а Мяндаш? – спросил он тихо. – То есть... тот человек. Вы его найдете?

– Думаю, да, – ответил Федор. – Но кем бы он ни был, он явно местный. Слишком хорошо знает лес, легенды, тропы. И слишком умело замечает следы.

– Он придет за мной, – повторил Егор, но теперь это звучало не как истерика, а как констатация факта. – Я единственный свидетель. Я видел его.

– Поэтому ты будешь осторожен, – сказал Федор. — И будешь на связи. Если что-то вспомнишь, любую мелочь – звони сразу.

Он протянул Егору визитку.

– А теперь иди, приводи себя в порядок. Домой поедешь. И позвони отцу. Он волнуется.

Егор взял визитку, посмотрел на нее, потом на Федора. В глазах его стояли слезы, но он сдерживался.

– Спасибо, – сказал он еще раз. И вышел из камеры вслед за конвоиром.

Федор остался стоять у стола, глядя на пустой стул. В голове крутились детали рассказа: лес, перекресток, рога, глаза. Спорынья, сияние, легенды. Кто-то очень талантливо разыграл этот спектакль. Кто-то, кто отлично постарался, чтобы единственный свидетель его преступления не мог ничего никому рассказать, которому никто не поверит. Чужой, напуганный, с затуманенным сознанием студент, отлично подходящий на роль убийцы, но... Федор глубоко вздохнул и вышел в коридор. Впереди была долгая ночь. Полярная.

ГЛАВА 8

Утро в полярную ночь понятие условное. За окном все та же непроглядная темень, только часы на телефоне показывают девять утра, а значит, пора вставать. Катя проснулась от виброзвонка. Кирилл скинул сообщение: «Жду внизу через пятнадцать минут».

Она подошла к окну, раздвинула шторы. Во дворе, под желтым светом единственного фонаря, стоял здоровенный туристический внедорожник с логотипом семейной компании Кирилла на дверце. Сам Кирилл курил, прислонившись к капоту, и, заметив ее силуэт в окне, помахал рукой – давай, мол, выходи.

Катя быстро натянула теплый свитер, поверх пуховик, шапку, шарф, выскочила в коридор. Брат стоял на кухне, намазывая масло на хлеб, и сонно хлопал глазами.

– Ты куда намылилась в такую рань? – спросил он, заметив, что сестра не просто выходит в магазин, а собирается основательно.

– Не твое дело, – отрезала Катя, направляясь в кладовку.

Дима проводил ее взглядом и чуть бутербродом не подавился, когда увидел, что сестра достает с верхней полки отцовское ружье в чехле и коробку с патронами.

– Ты охренела? – выдохнул он. – Мать же запретила его трогать!

– А ты помалкивай, – Катя поставила ружье рядом с большим рюкзаком, сверху прикрыла старым свитером. – Или я расскажу маме, чьи сигареты она нашла на лестничной клетке месяц назад.

Дима открыл рот, закрыл. Помялся, но любопытство пересилило.

– Кать, ну скажи хоть, куда собралась? Чтобы я знал... ну, где искать, если что. – Он посерьезнел. – Ирку убили, мало ли что.

Катя замерла у двери, борясь с собой. С одной стороны, брата впутывать нельзя. С другой... а вдруг что-то случится? Хоть кто-то будет знать.

– Ладно, – сдалась она. – Только молчи. Мы с Кириллом едем в лес. Искать следы. Там, где Иру... ну, где это случилось. Тело так и не нашли...

Дима присвистнул:

– Вы с дуба рухнули? Полиция уже там все облазила. Вон в городском чате только и обсуждают, что ничего не обнаружили.

– Полиция ищет там, где удобно, – Катя поправила лямку рюкзака. – А мы будем искать там, где надо. Ирка была моей подругой. Я не могу просто сидеть и ждать.

Дима хотел еще что-то сказать, но передумал. Только кивнул:

– Будь осторожна.

– Буду. Матери ни слова.

Она выскользнула за дверь, пока мама еще не вернулась со смены. Дима постоял в коридоре, глядя на закрытую дверь, потом покачал головой и поплелся в свою комнату к компьютеру. Но беспокойство не отпускало, и он то и дело поглядывал в темное окно, за которым скрылась сестра.

На улице Кирилл уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Все пучком? – спросил он, забирая у Кати рюкзак и ловко пряча его в багажник. Ружье отправилось туда же – под старый брезент, рядом с запасной канистрой и буксировочным тросом.

– Да, брат только видел, но он не выдаст, – Катя уселась на пассажирское сиденье. – Поехали.

Кирилл уже завел мотор, когда зазвонил его телефон. Он глянул на экран, нахмурился и ответил:

– Да? Что?.. Сейчас?.. Понял.

– Что случилось? – Катя напряглась.

Кирилл повернулся к ней с очень странным выражением лица – смесь облегчения и растерянности:

– Это из СИЗО. Егора выпускают. Под подписку. Надо забрать.

– Так поехали! – Катя даже подалась вперед. – Быстро!

Внедорожник развернулся и, взвизгнув шинами по снегу, помчался через весь город.

СИЗО встретило их серыми стенами, колючей проволокой поверху и мрачными фонарями, которые в полярной ночи горели круглые сутки, создавая иллюзию вечера, который никогда не кончался.

Егор вышел из тяжелой металлической двери, шурясь от света фар. Он был все в той же одежде, небритый, осунувшийся. Но глаза... глаза уже не были стеклянными. В них читалась усталость, страх, но еще – какое-то подобие жизни.

Кирилл шагнул к нему, молча обнял. Крепко, по-мужски, хлопнув по спине. Егор на мгновение зажмурился, будто боялся, что это сон.

Катя стояла в стороне, не зная, как себя вести. Егор встретился с ней взглядом, и она увидела в его глазах то, от чего у нее сжалось сердце. Вину. Настоящую, тяжелую вину человека, который не смог предотвратить беду.

– Катя... – голос Егора сел. – Я... прости. Я не смог ее спасти. Я ничего не смог сделать.

Катя подошла ближе, положила руку ему на плечо.

– Ты жив. Ты на свободе. И это сейчас главное. Остальное... с остальным мы разберемся.

Егор хотел что-то добавить, но Кирилл оглянулся по сторонам и скомандовал:

– Потом разговоры. В машину, быстро. У меня такое чувство, что на нас тут все пялятся.

Они загрузились в теплый салон внедорожника, и Кирилл рванул с места, увозя их подальше от мрачного здания.

Катя сидела на заднем сиденье рядом с Егором. Тот молчал, глядя в окно, но она чувствовала его напряжение каждой клеткой. Повисла неловкая тишина, которую нужно было чем-то заполнить.

– Ну что, – Кирилл покосился в зеркало заднего вида, – как ты там? Жить будешь?

– Буду, – глухо ответил Егор. – Наверное.

– Нормально все, – Кирилл попытался приободрить друга. – Отдохнешь у нас, в себя придешь. А мы с Катей... – он запнулся, бросив быстрый взгляд на нее.

Катя поняла намек и поспешно добавила:

– Да, мы тут кое-чем займемся. Нужно в лес съездить, кое-что проверить. По следам.

Она сказала это максимально нейтрально, но Егор напрягся. Медленно повернул голову, посмотрел на нее в упор.

– В лес? – переспросил он. – Зачем?

Катя отвела взгляд. Кирилл вмешался слишком поспешно, пытаясь сгладить:

– Да так, ерунда. Ты не думай об этом, отдыхай. Мы сами разберемся.

– Разберетесь в чем? – В голосе Егора появились металлические нотки. – В том, кто Иру убил? Вы туда собрались? На то место? Одни?

Повисла тяжелая пауза. Кирилл и Катя переглянулись. Скрывать дальше было бессмысленно.

– Да, – тихо сказала Катя. – Мы думаем, что полиция могла что-то упустить. Хотим поискать следы, пока снег их совсем не замел.

Егор побелел. Отвернулся к окну, сжал челюсть так, что желваки заходили.

– Вы с ума сошли, – выдавил он. – Там... там это место. Вы не понимаете.

– Поэтому мы и едем, – твердо ответила Катя. – Чтобы понять.

Егор замолчал. До самого дома Поляковых он не проронил ни слова. Только смотрел в темноту за окном, и Катя видела, как дрожат его руки, лежащие на коленях.

Кирилл включил поворотник, сворачивая на трассу, уводя машину в темноту.

Загородный дом Поляковых стоял на въезде в Мончегорск, со стороны трассы на Апатиты. Это был добротный двухэтажный особняк из бруса, с большими окнами, резными наличниками и просторной верандой. Рядом – несколько гостевых домиков поменьше, баня, гараж на две машины. Все ухоженное, крепкое, с любовью построенное.

Родители Кирилла встретили их на пороге. Отец – высокий, седой не по годам, с цепким взглядом человека, привыкшего командовать. Мать – полноватая, уютная, с теплой улыбкой, которая, впрочем, сейчас была тревожной.

– Господи, Егор, – всплеснула она руками, – какой ужас! Мы так переживали! Проходи, проходи скорее в тепло.

– Здравствуйте, – Егор чувствовал себя неловко в своей грязной, окровавленной одежде посреди этого светлого, чистого дома.

Мать Кирилла оглядела его с ног до головы и всплеснула руками снова:

– Да ты весь в... Снимай сейчас же, я постираю. Или лучше вообще выбросить такое?

– Выбросьте, – глухо сказал Егор. – Я это больше не надену.

– А полиции не нужно? – спросила Катя. – Для следствия?

– Нет, – Егор покачал головой. – Они уже взяли все образцы, какие надо.

Он поднялся наверх вслед за матерью Кирилла, которая повела его в комнату для гостей. Катя осталась внизу, оглядываясь по сторонам.

По сравнению с их квартирой в старой пятиэтажке на окраине, где вечно дуло из окон и батареи грели через раз, дом Поляковых казался настоящим дворцом. Просторная гостиная с камином, мягкие диваны, на стенах фотографии в рамках: Кирилл с родителями на разных туристических маршрутах, в горах, у озера, на фоне северного сияния. Везде было светло, тепло, уютно. Даже полярная ночь за окнами, казалось, не могла проникнуть сюда, не могла омрачить это место.

– Катя, присаживайся к столу, – позвала мать Кирилла, спустившись. – Мы как раз завтракать собирались.

Они сели за большой деревянный стол в кухне-столовой. Отец Кирилла уже был тут, хмуро ковыряясь вилкой в тарелке. Кирилл сел напротив Кати.

– Надо быстрее этого убийцу найти, – сказал отец, ни к кому не обращаясь. – Пока весь бизнес к чертям не полетел.

Кирилл напрягся:

– Пап, ты серьезно? Убили Иру, а ты про бизнес?

– Ире уже не помочь! А мы можем по миру пойти, – жестко ответил отец. – Полярная ночь – самый сезон. Туристы едут со всей страны сияние смотреть. А теперь звонки с отменами. Люди боятся в лес ехать. Если так пойдет дальше, то мы этот месяц в ноль отработаем. А это твоя учеба в Москве, между прочим.

Мать мягко положила руку на плечо мужа:

– Ну хватит. Горе у людей, а ты со своими подсчетами. Будем надеяться, что его найдут.

Кирилл сжал зубы, промолчал, но было видно, что слова отца его задели. Мать поставила на стол тарелку с оладушками, пышущими жаром, только со сковородки.

– Налетайте, пока горячие!

Катя потянулась было за угощением, но потом поймала взгляд Кирилла и передумала.

– Нам вообще надо ехать, – пробормотала она, опуская глаза в пол.

– Да, – буркнул Кирилл, стараясь не смотреть на отца. – Нам пора. Дела. Мы только Егора завезли.

– Ну... дело хозяйской, – отец подцепил вилкой оладушек, шваркнул на тарелку и густо полил джемом. – Обидчивые все какие! Слова не скажи!

Катя поднялась из-за стола, Кирилл потянул ее за локоть к выходу, протянул куртку. Они вышли на улицу, сели во внедорожник и уехали в темноту полярной ночи.

Наверху, в гостевой комнате, Егор стоял под горячим душем, пытаясь смыть с себя липкое ощущение крови, страха, бессилия. Вода стекала по лицу, но ему все казалось, что на коже остается что-то липкое, темное, что не смыть никаким мылом.

Потом он надел чистую одежду, которую оставила для него мать Кирилла, и спустился вниз. В гостиной было пусто. Только мать Кирилла убирала со стола.

– А где все? – спросил Егор, оглядываясь.

– Кирилл с Катей уехали куда-то, – ответила она, не оборачиваясь. – Не сказали куда.

Егор подошел к окну. За стеклом – чернота. Ни огонька, ни просвета. Только собственное отражение смотрело на него – бледное, с темными кругами под глазами, с застывшим в глубине страхом.

– Не знаешь, что за дела у них такие срочные? – спросила женщина, вытирая руки полотенцем.

Егор пожал плечами:

– Не знаю. Честно – не знаю...

Он снова уставился в окно, в бесконечную темень. За черным стеклом, где-то там, в лесу, который он теперь ненавидел и боялся одновременно, Кирилл и Катя будут искать следы. Искать правду. Искать убийцу. А он стоял здесь, в тепле и безопасности, и чувствовал себя абсолютно беспомощным.

– Егор, ты есть-то будешь? – спохватилась мать Кирилла. – Я сейчас накрою, присаживайся.

Она засуетилась у стола, доставая чистую тарелку, накладывая оладушки, наливая чай.

– Спасибо, – тихо сказал Егор, садясь за стол. – Вы очень добры.

– Да брось, – махнула рукой женщина. – Вы с Кириллом друзья, значит, свои. А в чужой беде свои помогать должны.

Егор взял вилку, поковырял еду, но есть не хотелось. Мысли были не здесь. Они были там – в темноте, в лесу, вместе с частичкой его души, которая навсегда осталась на той самой поляне, залитой Ириной кровью.

ГЛАВА 9

Старые пятиэтажки на улице Комсомольской стояли здесь с семидесятых –облупившиеся, но все еще крепкие, с толстыми стенами и узорчатыми решетками на окнах первого этажа. Федор Кравцов остановил машину у подъезда, заглушил мотор и несколько минут сидел неподвижно, глядя на знакомый до боли двор.

Здесь ничего не изменилось. Те же корявые тополя, те же ржавые качели, та же скамейка у подъезда, на которой они когда-то сидели с Лидией Ивановной, пили чай из термоса и говорили о жизни. Двадцать лет прошло, а двор будто законсервировался во времени, как и весь этот город.

Федор глубоко вздохнул и вышел из машины. Мороз обжег лицо, под ногами скрипнул снег. Он поднялся на третий этаж пешком. Лифта в таких домах, как и везде в стране, зачастую не было.

Дверь открыли не сразу. Сначала долгий, шаркающий шаг, потом лязг цепочки, потом приоткрывшаяся щель и удивленный, чуть дрожащий голос:

– Кто там?

– Лидия Ивановна, это я. Федор.

Тишина. Потом дверь распахнулась полностью.

На пороге стояла маленькая, сухонькая старушка в вязаной кофте и пуховом платке. Лицо ее, изрезанное морщинами, вдруг осветилось такой радостью, что Федору на миг стало не по себе. Она всмотрелась в него, прищурившись, и вдруг всплеснула руками:

– Федя! Господи, Федя! – и кинулась обнимать.

Федор осторожно прижал ее к себе, чувствуя под руками хрупкие старческие плечи. Она пахла так же, как двадцать лет назад: пирогами, кремом для рук и еще чем-то родным, уютным, что невозможно описать словами.

– Проходи, проходи, застынешь! – Лидия Ивановна засуетилась, отступая вглубь прихожей. – Раздевайся, я сейчас чай поставлю. Ты с дороги? Как добрался? Надолго ли?

Федор снял куртку, повесил на старую вешалку, огляделся. Квартира была маленькая – однокомнатная, метров двадцать восемь, не больше. Но уютная. Все те же знакомые вещи: этажерка с книгами, вышитые крестиком салфетки на тумбочке, старый диван с пледом. И фотографии – везде фотографии. Дети, внуки, и он, Федор, совсем молодой, в курсантской форме, стоит рядом с Лидией Ивановной на фоне университета.

– Проходи на кухню, там теплее, – позвала она.

Кухня была крошечная, но светлая. На столе уже появились чашки, блюдце с печеньем, варенье в розетке. Лидия Ивановна хлопотала у плиты, заваривая чай в старом заварнике, который Федор помнил еще с тех времен, когда она жила в большой квартире с мужем и детьми. А после его смерти перебралась в эту однокомнатную.

– Ты прости, что не в той квартире принимаю, – сказала она, будто угадав его мысли. – Продала я ту. Зачем одной столько? Четыре комнаты, убирайся – не переубирайся. А деньги детям отдала. Дочка с зятем в Краснодарском крае, квартиру там купили. Сын тоже туда перебрался, работу хорошую нашел. Я понимаю, на Севере молодежи делать нечего. Климат тяжелый, работы мало. Пусть живут там, где солнце.

– А вы? – Федор сел на табурет. – Не хотели с ними?

Лидия Ивановна махнула рукой:

– Мое место здесь. Я тут всю жизнь прожила, мужа тут похоронила. А они приезжают, когда могут. На сияние внуков привозят, показать. Им нравится. Внуки-то южные уже, снега не видели никогда. А тут такая красота! – она улыбнулась. – Так что не жалуюсь.

Лидия Ивановна остановилась на мгновение, будто что-то вспомнила, и на ее лице появилась добрая улыбка.

– Помню, как ты ко мне на первом курсе пришел, – сказала она, ставя чайник на стол. – Весь такой колючий, дикий, на всех волком смотрел. А я сразу поняла: за этой колючкой – душа ранимая. Сирота, никому не нужный, а ума палата. Помнишь, как мы с тобой после пар оставались, задачки по криминалистике решали? Ты тогда еще говорил, что хочешь справедливость искать.

Федор улыбнулся, взял чашку, отхлебнул горячий чай.

– Помню. Вы единственная, кто в меня поверил. Все говорили: детдомовский, далеко не пойдет. А вы сказали: из него толк будет. Большой толк.

– И не ошиблась, – Лидия Ивановна довольно кивнула. – Ты знаешь, Федя, я всегда гордилась тобой. Ты не просто выучился – ты талант свой нашел. Именно на первом курсе, когда мы с тобой те задачи разбирали, я поняла: у тебя нюх на преступления. Как у охотничьей собаки. Ты видел то, что другие не замечали. Ты мог по мелочам всю картину восстановить. Я тогда еще подумала: вырастет из парня большой следователь. Так и вышло.

Федор слушал, и тепло разливалось в груди. Лидия Ивановна заменила ему мать, дала то, чего у него никогда не было – веру в себя.

– Спасибо вам, – тихо сказал он. – За все.

– Ладно, ладно, – она махнула рукой. – Рассказывай лучше, как сам

Федор взял чашку, отхлебнул горячий чай. Рассказал коротко: Москва, работа, семьей так и не обзавелся. Опустил детали, но Лидия Ивановна и не спрашивала. Она всегда умела слушать, не перебивая, не лезя в душу.

– А в Мончегорск что привело? – спросила она наконец.

– Работа, – Федор помедлил. – Убийство. Жестокое.

Лидия Ивановна вздохнула:

– Слышала, слышала. Девушку ту, Иру... Я ее не знала, но по городу разговоры ходят. Говорят, страшно убили. Чуть ли не обезглавили. Это правда?

Федор кивнул.

– Скажи, Лидия Ивановна, – он поставил чашку, – а часто у вас люди пропадают? Преступления бывают?

Старушка задумалась, пожевала губами.

– Раньше, когда я молодой была, город жил. Завод работал на полную, люди сюда ехали со всего Союза. Весело было. А сейчас... – она вздохнула. – Завод загибается, работы меньше. Кто может – уезжает. Кто не может – спивается. Убийств давно не было, так, мелочь. Разбои, драки по пьяни. Но ты знаешь, Федя, тут теперь уже и не отследишь, кто в городе есть, а кто уехал. Бывает, сегодня человек есть, а завтра его уже нет. Сорвался, работу нашел в другом месте, уехал, и никому дела нет. К этому привыкли. Не обращают внимания.

Федор слушал внимательно, и в голове его складывалась картина. Город-призрак. Люди приезжают и уезжают, текучка, неразбериха. Идеальное место для того, кто хочет оставаться незаметным. Кто может убивать годами, и никто не свяжет исчезновения воедино.

– Да, понимаю. Не каждый выдержит, – спросил он. – Темно ведь всегда.

– Темно, – согласилась Лидия Ивановна. – Полярная ночь, она такая. Но люди привыкли. Кто работает – те по расписанию живут. Кто не работает – те по бутылкам. А молодежь по лесам ходит, сияние смотрит. Или вот как вы тогда... – она улыбнулась воспоминаниям. – Помнишь, как мы с тобой на озеро ездили? Ты еще тогда удивился, что я, старая, а в лес хожу как молодая.

– Помню, – Федор улыбнулся. – Вы меня тогда грибам учили. Какие съедобные, какие нет.

– Эх, Федя, Федя... – Лидия Ивановна покачала головой. – Ты бы почаще приезжал. Я ж за тебя все время переживала. Сирота ты, хоть и взрослый уже.

– Звонил же, – виновато сказал Федор.

– Звонил, – кивнула она. – Только звонки – это не то. Вот так, чтоб вживую, посидеть, поговорить... это дорогого стоит.

Они помолчали. Федор допил чай, поставил чашку на стол.

– Мне пора, – сказал он, поднимаясь. – Спасибо вам за все. За чай, за разговор. Я еще приду, обещаю.

Лидия Ивановна тоже встала, проводила его в прихожую. Помогла надеть куртку, поправила воротник, как делала когда-то, когда он был курсантом и приходил к ней после занятий.

– Федя, – сказала она уже в дверях, глядя ему прямо в глаза. – Ты навести ее. Ту девушку. Много лет прошло, пора бы и отпустить.

Федор замер. Смотрел на нее, не в силах ничего сказать.

– Я знаю, – тихо продолжала Лидия Ивановна. – Знаю, что ты тогда уехал из-за нее. И знаю, что до сих пор носишь это в себе. Сходи на кладбище, постой у могилы, поговори с ней. Отпусти себя. Ты хороший человек, Федя. Ты заслуживаешь жить дальше.

Он кивнул. Молча. Потом обнял ее еще раз, крепко, и вышел в подъезд.

Спускаясь по лестнице, он слышал, как за спиной тихо щелкнул замок. И чувствовал, как в груди разливается странная теплота – та, что бывает только когда встречаешь родную душу.

Лидия Ивановна. Единственный человек, который заменил ему мать. Который верил в него, когда никто не верил. И который до сих пор, через двадцать лет, понимал, что у него на душе.

Федор сел в машину, завел мотор. Посмотрел на темное небо, на редкие огни города. Потом включил навигатор и нашел на карте кладбище.

– Ладно, – сказал он вслух сам себе. – Ладно.

И машина тронулась в темноту полярной ночи.

ГЛАВА 10

Проблесковые маячки разрывали ночь на части. Синие, красные, белые – они мельтешили впереди, отражались в капоте служебной машины, били по глазам, не давая сфокусироваться. Елена Маркова вылетела из автомобиля, даже не заглушив двигатель. Дверь осталась распахнутой, в салон врывался горячий южный воздух, пахнувший бензином и гарью.

– Прочь с дороги! – крикнула она кому-то, кто попытался ее остановить.

Ноги не слушались. Они будто вязли в раскаленном асфальте, хотя асфальт был обычным, твердым, беспощадным. Она бежала туда, где в свете фар вырисовывался перевернутый внедорожник. Смятый, искореженный, лежащий на боку, как огромный мертвый зверь. Стекла выбиты, металл закручен спиралью, вокруг осколки, капли масла, темные пятна на дороге.

Люди суетились вокруг. Полицейские в форме, спасатели в ярких жилетах, врачи скорой – все бежали, кричали, командовали. Сирены выли, перекрывая друг друга, где-то трещал рацией диспетчер. Шум стоял невообразимый.

А потом все стихло.

Разом. Как будто кто-то выключил звук в огромном телевизоре.

Елена бежала в полной тишине. Слышала только собственное сердце, оно колотилось где-то в ушах, заглушая все вокруг. И еще – свои шаги. Тяжелые, рваные, отчаянные.

Она увидела это за секунду до того, как мозг успел осознать.

Рука.

Маленькая детская рука, торчащая из разбитого окна перевернутой машины. Рукав розового платья, перепачканный чем-то темным. И колечко на пальчике. Маленькое, серебряное, с розовым камешком. Подарок бабушки на четырехлетие.

– София!

Крик вырвался сам, но она не услышала его. Тишина пожирала все.

Елена рванула вперед, но чьи-то руки схватили ее, сжали плечи, не пускали. Она билась, вырывалась, царапалась – бесполезно. Ее держали крепко, профессионально, как держат обезумевших от горя людей, чтобы те не навредили себе.

– Пустите! – орала она, но голоса не было. – Это моя дочь! Пустите!

Лица тех, кто держал, были размыты, неразличимы. Только силуэты в свете маячков. А она все смотрела на ту маленькую руку, безжизненную, страшную в своей неподвижности, и понимала, что ничего уже не изменить. Никогда.

– София...

Елена проснулась.

Темнота. Та же самая темнота, что и во сне, но теперь это была полярная ночь за окнами ее квартиры. Она сидела на диване, вся мокрая от пота, сердце колотилось где-то в горле, руки тряслись. Дыхание сбилось, приходилось делать усилие, чтобы вдохнуть.

– Твою мать, – выплюнула она в пустоту.

Сон. Всего лишь сон. Который снится уже третий год почти каждую ночь.

Елена провела рукой по лицу, смахивая влагу – пот или слезы, уже не различить. В квартире было тихо. Только часы на стене мерно тикали, отсчитывая секунды вечной ночи.

Она повернула голову к журнальному столику. Там, в беспорядке, были разбросаны бумаги из досье, которые дал Анисимов на Федора Кравцова. Фотографии, протоколы, схемы. Рядом стояла початая бутылка виски – ее вечная спутница, без которой она уже не могла уснуть. Третья за эту неделю. Или четвертая? Она сбилась со счета.

Рядом с бутылкой – фотография в рамке. Она, Олег и маленькая София. Три года назад. Тогда еще можно было улыбаться по-настоящему. Тогда еще был смысл просыпаться по утрам.

Елена смотрела на фотографию долго, очень долго. Потом перевела взгляд на бутылку, взяла ее, сделала глоток прямо из горлышка. Обжигающая жидкость потекла по пищеводу, на секунду заглушая боль.

– Простите меня, – прошептала она в темноту. – Простите...

Три года. Три года с тех пор, как Олег вез Софию домой. Простая поездка, обычная трасса. И водитель фуры, который уснул за рулем. Он выжил, кстати. Отделался переломом и легкой травмой головы. А Олег и четырехлетняя София погибли сразу.

Елена была на работе. Гонялась за очередным преступником, ловила какого-то наркоторсера. Когда ей позвонили, она уже знала. Женское сердце чувствует такие вещи за секунду до того, как трубка коснется уха.

После похорон она не могла оставаться на юге. Все здесь напоминало о прошлом, которого не вернуть: дом, улицы, парк, где они гуляли втроем. Она запросила перевод на Север, в Мончегорск, в полярную ночь. В темноту, которая съедает изнутри каждый день. Здесь нет солнца, нет ярких красок, нет воспоминаний. Только тьма, холод и работа.

Работа, которая стала единственным смыслом.

Елена посмотрела на часы. 7:00 утра. В полярную ночь это ничем не отличалось от семи вечера, все та же темень за окном. Но организм уже привык: пора вставать.

Она поднялась с дивана, пошатнулась, виски давало о себе знать. Пошла в ванную, включила душ. Горячая вода обжигала кожу, смывала пот и остатки сна, но не могла смыть боль. Она въелась в кожу, в кости, в самую суть. Три года, а легче не становилось. Наверное, уже и не станет никогда.

Елена оделась, собрала разбросанные бумаги в папку, убрала бутылку в бар. Машинально, на автомате. Тело жило, выполняло привычные действия, а мысли были где-то далеко. Или нигде.

Ее рабочее место пока подождет. Сначала зашла к начальнику.

Анисимов сидел в своем кабинете, как всегда, откинувшись в кресле и сложив руки на животе. При виде Елены он чуть приподнял брови.

– Маркова? Рано ты сегодня. Что стряслось?

Елена положила на стол перед ним папку с досье Кравцова.

– Павел Петрович, расскажите мне о нем.

Анисимов посмотрел на папку, потом на Елену:

– А что случилось? Он чем-то насолил?

– Нет. – Елена села на стул напротив. – Просто... я должна понимать, с кем работаю. В досье все формально: родился, учился, служил, дела. Про то дело, из-за которого он уехал, тоже пара строк. Девушку убили, мужа не дожали, дело закрыли. Он после этого перевелся в Москву. Я хочу знать, что он за человек. Сейчас. Спустя двадцать лет.

Анисимов хмыкнул, взял папку, пролистал, хотя явно знал содержимое наизусть.

– Хочешь понять Кравцова? – Он закрыл папку, отложил в сторону. – Чтобы его понять, Лена, с ним нужно работать. Хотя бы неделю. Но я тебе скажу, что знаю.

Он откинулся в кресле, посмотрел в потолок, будто собирался с мыслями.

– Я с ним давно не работал, но спрашивал у людей. В Москве его знают. Говорят, за двадцать лет он стал... как бы это сказать... замкнутым. Профессионал высочайшего класса, это да. Маньяков чует за версту, профайлинг у него на уровне ясновидения. Но при этом – одиночка. Семьи нет, друзей почти нет, только работа. В Москве его прозвали «Призраком», потому что он появляется внезапно, делает дело и исчезает. Никто не знает, где он живет, есть ли у него кто-то. Коллеги его уважают, но близко к себе никого не подпускает. Говорят, с ним трудно. Он требует полной отдачи, не прощает ошибок, но и себя не жалеет. Если надо – будет сутками сидеть над бумагами, не есть, не спать, пока не докопается до истины.

Анисимов перевел взгляд на Елену:

– Еще говорят, что он до сих пор носит в себе то дело. Про девушку. Что оно его сломало тогда, и с тех пор он собирает себя по кусочкам, собирает и никак не может собрать полностью. Поэтому и берется за самые сложные случаи. Ищет справедливость для других, потому что для себя найти не смог.

Он помолчал, потом добавил:

– Так что вы с ним, Маркова, в каком-то смысле похожи. Оба потеряли что-то важное. Только ты прячешься в виски, а он – в работе.

Елена дернулась, но смолчала.

– Ладно, – Анисимов посерьезнел. – Как продвигается расследование?

Елена вздохнула, убрала досье Кравцова обратно в сумку.

– Застряли. Тело не нашли, следы ведут к старой дороге, где убийца пересел на снегоход. А там – сеть троп на десятки километров. Вездеходы уже прочесали несколько направлений, но это как иголку в стоге сена искать. Кравцов уверен, что убийца местный, хорошо знает лес, но пока это только теория.

– Значит, работайте, – Анисимов постучал пальцем по столу. – И не теряйте времени. Чем дольше копаетесь, тем меньше шансов найти этого ублюдка.

– Я не знаю, где сейчас Кравцов, – призналась Елена. – Звонила – трубку не берет. Может, спит еще, может, занят.

Анисимов усмехнулся:

– А ты на кладбище съезди. Он предупредил, что заедет туда перед работой. К одной могиле. Старой. Двадцатилетней давности. Патрульные подкинут, если попросишь.

Елена кивнула, поднялась:

– Спасибо, Павел Петрович.

– Работай, Маркова. И... – он запнулся, – будь осторожна. И не только с маньяком.

Она поняла, что он имел в виду. Кивнула и вышла.

В коридоре остановилась на секунду, прислонилась спиной к стене, закрыла глаза. Двадцать лет. Он носит это в себе двадцать лет. А она – три. И если он до сих пор не собрал себя за двадцать лет, то у нее вообще нет шансов.

– Ладно, – сказала она вслух и пошла к выходу. – Кладбище, так кладбище.

Патрульная машина уже ждала у входа. Елена села, назвала адрес. И они поехали в темноту полярной ночи – туда, где среди могил стоял человек, так похожий на нее своей болью.

ГЛАВА 11

Утро в полярную ночь – понятие растяжимое. За окнами внедорожника Кирилла было все так же темно, хоть часы показывали уже десять. Катя сидела на пассажирском сиденье, вцепившись в сумку с ружьем, которую для пушего спокойствия достали из багажника, и смотрела, как за стеклом проплывают редкие огни города, сменяясь бесконечной стеной леса.

Дорога к заповеднику была пустынной, но чем ближе они подъезжали, тем чаще стали попадаться встречные машины – патрульные, полицейские внедорожники, даже пара военных «Уралов». Мимо проскочил микроавтобус с логотипом какого-то федерального канала.

– Журнашлюхи, – хмуро бросил Кирилл. – Слетелись, как мухи на мед.

Катя хотела ответить, но в этот момент из-за поворота вынырнула патрульная машина с включенной мигалкой. Кирилл выругался сквозь зубы, сбросил скорость и прижался к обочине. Машина остановилась рядом, из нее вышел полицейский в теплой куртке, подошел к водительской двери.

Кирилл опустил стекло, постарался изобразить спокойную улыбку.

– Доброе утро, – кивнул полицейский, вглядываясь в салон. Фонариком скользнул по лицам, осветил заднее сиденье. – Куда направляетесь?

– В заповедник, – Кирилл говорил ровно, без запинки. – Тропы проверить. Батя мой, Поляков, туристической конторой владеет, "Полярный ветер". Слыхали, небось? Попросил глянуть, в каком состоянии тропа Викингов и еще пара маршрутов. После этого убийства туры повально отменяют, но технику-то обслуживать надо.

Полицейский хмыкнул, посветил на логотип на двери машины.

– А, Поляковы, – узнал он. – Знаю вашу контору. Ну, мужик ты взрослый, сам понимаешь: сейчас в лесу беспокойно. Мы тут прочесываем все вокруг, тело-то так и нашли. Впрочем, как и убийцу. Так что, будьте осторожны!

– Да мы по главным тропам, – заверил Кирилл. – Только глянем и назад.

Полицейский кивнул, махнул рукой, разрешая ехать.

Катя выдохнула, когда патрульная машина скрылась за поворотом. Руки ее дрожали, она все это время сжимала сумку, боясь, что полицейский попросит открыть.

– Пронесло, – выдохнула она.

– Ага, – Кирилл снова вырулил на дорогу. – Но я бы не расслаблялся. Тут теперь каждый куст под присмотром.

До парковки у входа в заповедник добрались без приключений. Машину оставили на стоянке, заваленной снегом, достали вещи и выдвинулись по маршруту. Сумку с ружьем Кирилл ввалил на себя, Катя несла термос и карту.

Лес встретил их тишиной. Густой, непроглядный, он стоял стеной, и даже свет мощных фонарей вырывал из темноты только ближайшие стволы.

Они шли молча, проваливаясь в снег, огибая замерзшие валуны и поваленные деревья. Катя чувствовала, как внутри нарастает тяжесть. Здесь, в этом лесу, погибла Ира. Здесь она сделала последний вдох, здесь ее настиг тот, в чьих жилах текла не кровь, а древняя, темная вера.

– Страшно подумать, – не выдержала Катя, – что Егор должен был увидеть здесь северное сияние, красоту эту, а увидел смерть.

Кирилл шел впереди, раздвигая ветки.

– Егор справится, – ответил он не оборачиваясь. – Пацан нормальный, переживет.

– Ты так уверен?

– Я его знаю. Он не из тех, кто ломается, – Кирилл остановился, давая ей поравняться. – Ты сама видела: в СИЗО три дня просидел, а вышел – уже молодцом. Да, трясет его, да, боится. Но он борется.

Катя промолчала. Внутри все еще теплилась злость на Кирилла за то, что бросил Иру тогда, два года назад. За то, что вернулся и снова разбередил старую рану. За то, что Ира погибла, а он жив и идет сейчас рядом с ней по лесу, разглагольствуя, будто ничего и не произошло.

– Слушай, – спросила она, чтобы заполнить молчание, – а почему ты тогда уехал? Ну, правда. Иру бросил, даже не попрощался. Что случилось?

Кирилл замедлил шаг, потом остановился совсем. Повернулся к ней, и в свете фонаря Катя увидела, что лицо его изменилось, пропала обычная самоуверенность, осталась только усталость.

– Долгая история, – сказал он глухо.

– А мы никуда не торопимся.

Кирилл вздохнул, оперся спиной на ствол старой сосны, уставился куда-то в темноту.

– Понимаешь, я телок клеить умею, – Катя закатила глаза, но он продолжил. – Да, знаю, пафосно звучит. Но это факт. Я всегда знал, что впарить, как подкатить, когда ускориться, когда тормознуть. Со всеми прокатывало. Кроме нее.

– Кроме Иры?

– Кроме Иры, – Кирилл помолчал. – Она на меня действовала как-то... не так. Я с ней не играл. Не мог. И это меня пугало.

Катя молчала, давая ему выговориться.

– Я понял, что если останусь, то... не уеду. Вообще. Она имела надо мной власть, реальную. Я боялся, что осяду в этом городе, как батя... А я не нагулялся, мне хотелось свободы, Москвы, всего этого... – он махнул рукой в сторону, где, по его мнению, находилась столица. – И в тот вечер мы поругались именно из-за этого. Она хотела, чтобы я остался. А я взбрыкнул, наговорил ей гадостей... – Кирилл сжал челюсть. – Если бы я продолжил с ней тереть, я бы точно не уехал. А уехать я должен был. Для себя. Для своего будущего.

Катя долго смотрела на него, потом тихо сказала:

– Ира только тебя и любила. Всех остальных она бросала максимум через две недели, потому что не могла полюбить. Ты для нее был единственным.

Кирилл отвернулся, сглотнул.

– Я знаю, – еле слышно ответил он.

– Если бы ты мог изменить что-то в тот вечер... ты бы изменил?

Он открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент где-то впереди, за деревьями, мелькнул свет фар. Гул мотора приближался. Кирилл схватил Катю за руку и рванул в сторону, за толстые стволы.

Они прижались к деревьям, затаив дыхание. Мимо, по тропе, проехал патрульный вездеход, его фары шарили по сторонам, выхватывая из темноты стволы и сугробы. Проехав метров пятьдесят, машина остановилась, из нее вышел полицейский, посветил фонарем в лес. Катя вжалась в дерево, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Но патрульный, видимо, ничего не заметил, забрался обратно, и вездеход уехал дальше.

– Твою мать, – выдохнул Кирилл, когда шум стих. – Еще немного и попались бы.

– Он нас не видел? – прошептала Катя.

– Не должен был, – Кирилл выглянул из-за дерева. – Погнали, надо шустрее.

Они двинулись дальше, но через несколько минут Кирилл остановился и поднял руку. Впереди, сквозь поредевший лес, виднелся просвет. Тот самый перекресток.

Катя замерла. Она узнала это место по фотографиям, которые мелькали в новостях. Снег здесь был утоптан, исчеркан следами полицейских машин, но все равно – это было то самое место.

– Здесь, – прошептала Катя. – Здесь это случилось.

Она сделала шаг вперед, оглядываясь. В голове крутились вопросы: где стоял Мяндаш, откуда он вышел, где была Ира, когда он ее одурманил? Катя пыталась представить, восстановить картину, но перед глазами стояло только одно – лицо подруги, ее смех, ее улыбка.

Слезы потекли по щекам сами собой, замерзая на морозе.

– Кирилл, – позвала она дрогнувшим голосом. – Здесь Мяндаш убил ее.

Кирилл подошел, положил руку ей на плечо.

– Не раскисай, – сказал он жестко, но в голосе слышалась боль. – Мы сюда не слезы лить приперлись, а чтобы найти следы. Надо искать дальше, пока полицейские не накрыли.

Он снова взял фонарь, посветил вокруг. И вдруг замер:

– Смотри.

На снегу, чуть в стороне от протоптанной полицейскими тропы, виднелась цепочка следов. Не свежих, уже припорошенных, но все еще различимых. Они уходили вглубь леса, туда, куда, судя по всему, не дошли патрульные.

– Туда? – выдохнула Катя.

– Пошли.

Они двинулись по следам, стараясь ступать рядом, чтобы не затоптать улики. Лес становился гуще, темнее, ветки цеплялись за одежду, ноги проваливались в сугробы. Минут через двадцать они вышли к той самой старой дороге, которую накануне уже нашла команда Федора.

Кирилл достал карту, сделал пометку, сфотографировал координаты.

– Вот здесь он видимо пересел на снегоход, – проговорил он. – Видишь едва оставшиеся от него следы? Дальше – тропы на десятки километров. Полиция уже все прочесала, но ничего не нашла.

Катя огляделась. Везде были следы вездеходов, протоптанные патрульными тропы, ограждения вдоль нетронутых следов от снегохода убийцы.

– Поэтому их тут столько, – поняла она. – Они ищут тело. Везде, где только можно.

– И явно еще не нашли, – Кирилл спрятал карту. – Потому что этот гад слишком хорошо знает лес.

– Что теперь? – спросила Катя.

Кирилл задумался, глядя на карту. Но в этот момент из-за поворота дороги вынырнул свет фар. Патрульный вездеход. И он двигался прямо на них.

– Бежим! – крикнул Кирилл.

Они рванули в лес, проваливаясь в сугробы, цепляясь за ветки, не разбирая дороги. Сзади заорала сирена, луч прожектора шарил по деревьям, выхватывая стволы.

– Стойте! Полиция! – заорал мегафон.

Но Кирилл и Катя не останавливались. Они бежали, пока хватало сил, петляя между деревьями, пока шум не стих за спиной.

Когда они наконец остановились, легкие горели огнем, а ноги дрожали.

– Ушли, – выдохнул Кирилл, согнувшись пополам. – Чудом ушли.

Катя прислонилась к дереву, пытаясь отдышаться.

– И куда теперь? – спросила она снова.

Кирилл посмотрел на нее, потом на карту, потом в ту сторону, где осталась дорога.

– Сваливаем, – сказал он. – На сегодня хватит. Надо обдумать, где искать дальше. Иначе нас либо полиция сцапает, либо этот псих найдет раньше.

Они пошли обратно, обходя патрули, прячась за деревьями. В голове Кати крутилась только одна мысль: где-то здесь, в этой бесконечной темноте, лежит тело Иры. И они должны его найти. Иначе она никогда себе этого не простит.

ГЛАВА 12

Городское кладбище Мончегорска раскинулось на пригорке за восточной окраиной. В полярную ночь оно особенно жуткое – редкие фонари не могут пробить тьму, кресты и памятники выступают из темноты неожиданно, будто стражи, застигнутые врасплох светом. Снег лежит ровным покрывалом, скрывая границы между миром живых и мертвых.

Федор Кравцов стоял у ограды старого участка. В руках он держал букет – скромные белые хризантемы, единственные цветы, которые можно было найти в городе в это время года. Перед ним была могила. Чугунная ограда, гранитный памятник, фотография молодой женщины с датами жизни: 1971–1996. Двадцать лет назад. Ровно двадцать.

Он не слышал шагов за спиной, слишком погруженный в свои мысли. Но когда раздался голос, не удивился.

– Красивая была, – тихо сказала Маркова, останавливаясь рядом.

Федор не обернулся. Только кивнул.

– Очень.

Маркова смотрела на дату смерти, потом перевела взгляд на Федора. Он выглядел иначе, чем в кабинете или на месте преступления. Здесь, на кладбище, в свете редких фонарей, он казался старше, уязвимее. Человек, а не следователь.

– Из-за нее тогда уехал? – спросила Елена без обиняков.

Федор усмехнулся – горько, без веселья. Поправил цветы в ограде, выпрямился.

– Ты явно знаешь про меня больше, чем я думал.

– Прости, – Маркова не извинялась, просто констатировала. – Я покопалась в твоём личном деле. А потом и у Анисимова спросила. Хотела понимать, с кем предстоит работать.

– И что поняла?

– Что ты здесь не просто так. Что это дело для тебя... личное.

Федор долго молчал, глядя на фотографию. Потом заговорил глухо, будто каждое слово давалось с трудом:

– Я тогда был молодым. Зеленым совсем. Только-только в уголовном розыске. А она... – он запнулся, сглотнул. – Она была хорошая. Добрая. Ничего плохого никому не сделала. А муж оказался козлом. Ревнивым, жестоким. И я... я не смог. Не дождал. Улик не хватило, алиби у него было железное, свидетели клялись, что он дома был. Дело закрыли. А через пять лет он помер – инсульт, в пятьдесят лет. И уже после смерти выяснилось, что это он. Соседка, старуха, призналась, что видела его в ту ночь, но боялась говорить. А когда он умер – рассказала.

Он замолчал. Маркова ждала.

– Ты ее любил? – спросила она прямо.

Федор дернулся, но тут же взял себя в руки. Повернулся к ней, и лицо его стало прежним – спокойным, собранным.

– Это было давно. – Он сменил тему без перехода: – Ты что-то узнала про символ?

Маркова поняла, что лезть дальше не стоит. Достала телефон, открыла фотографии.

– Кое-что нашла. В музее смотрела, в интернете рыла. Этот знак с перевернутой спиралью и треугольником в центре, действительно саамский. У них такие использовались в жертвенных ритуалах. Но вот что интересно, что по-настоящему разбираются в этом только старики. В общине. Я думаю, нам нужно съездить к саамам. Сами они лучше расскажут, что это значит и зачем его могли нанести кровью на дерево.

Федор кивнул.

– Согласен. Но сначала заедем в участок. У меня есть поручение для Волкова. – Он бросил последний взгляд на могилу. – Поехали.

Они вышли с кладбища под низким, тяжелым небом. Где-то там, за тучами, сейчас плясало сияние, но его не было видно. Только тьма, холод и тишина – вечные спутники полярной ночи. Федор сел за руль, завел мотор. Маркова молча устроилась рядом. По дороге в участок никто не говорил, каждый думал о своем.

Участок гудел, как растревоженный улей. Еще на подходе Федор увидел толпу – журналисты с камерами, диктофонами, блокнотами толпились у входа, пытаясь прорваться внутрь. Местные, областные, парочка даже федеральных. Убийство в заповеднике, да еще с таким жутким ритуалом, привлекло внимание всей страны.

– Твою мать, – выдохнула Маркова. – Как они пронюхали?

– Всегда пронюхивают, – Федор уже пробивался сквозь толпу, работая локтями. – Простите, граждане журналисты, работа полиции, никаких комментариев, все позже...

Двое патрульных помогли им прорваться, оттесняя особо настойчивых. Внутри было не легче: телефонные звонки, беготня, начальство требовало отчетов. Волков сидел за своим столом, уткнувшись в бумаги, и вид у него был убитый.

– Что у тебя? – Федор подошел, скидывая куртку.

Волков поднял красные от недосыпа глаза:

– Отчеты криминалистов. И... ничего. Без тела информации – кот наплакал. Оперативники прочесали уже пять троп в округе, все подходы к перекрестку, где это случилось. Ноль. Снег все скрыл, а если что и осталось – убийца слишком хорошо замечает следы. – Он швырнул папку на стол. – Мы даже не знаем, кого ищем.

– Я знаю, – твердо сказал Федор.

Он подошел к большой доске, на которой висели фотографии с места преступления, схемы, карты. Снял одну из них, прикрепил в центр то, что принес с собой – набросок, сделанный криминалистом-художником со слов Егора. Человек-олень. Рога, шкуры, глаза, горящие красным.

Маркова и Волков подошли ближе, глядя на рисунок. Жуткое зрелище! Даже на бумаге это существо внушало страх.

– Слушайте меня внимательно, – Федор обвел их взглядом. – То, что я скажу, останется между нами. Это профайлинг, и я редко ошибаюсь.

Он ткнул пальцем в рисунок:

– Наш убийца – мужчина. От 35 до 50 лет. Физически сильный, выносливый. Чтобы надеть этот костюм из шкур, с рогами на голове, и при этом двигаться бесшумно, быстро, точно – нужна не просто сила, а тренированность. Он явно охотник. Или был им. Знает лес, как свои пять пальцев, все тропы, все ловушки.

Федор начал ходить вдоль доски, чеканя слова:

– Убивает хладнокровно. Без паники, без спешки. Обезглавил жертву одним движением – это не случайность, это навык. Он делал это раньше. Много раз. И явно не боится, что его поймут. Почему? Потому что уверен в своей безнаказанности. Потому что знает: в полярной ночи, в этом лесу, он хозяин. А мы – гости.

Он остановился, повернулся к ним:

– И главное. Это не первая его жертва. Он явно делал это раньше. Возможно, много лет. Обратите внимание на символ – он ритуальный. Такие вещи не приходят спонтанно. Он или одержим идеей, или верит, что исполняет некую миссию. И каждый раз, когда убивает, он совершенствуется. Убить сложно. Убить в тяжелом костюме из шкур, с рогами на голове, которые ограничивают обзор и создают шум – еще сложнее. А не оставить следов, улики, свидетелей – это уровень мастера. Настоящего мастера смерти.

Маркова и Волков молчали, переваривая.

– Жень, – Федор повернулся к Волкову, – пока мы съездим к саамам, у тебя будет задание. Срочное.

– Какое?

– Подними все архивы. Все дела о пропавших без вести за последние двадцать лет. Особенно женщины от восемнадцати до тридцати. И не только из Мончегорска – вся область. Заповедник, тропы, туристы. Все, что найдешь.

Волков присвистнул:

– Двадцать лет? Это ж сколько бумаги...

– Работай, – отрезал Федор. – Мы скоро вернемся.

Федор и Маркова покинули кабинет, оставляя Волкова в полном смятении. Он хмуро посмотрел перед собой, после чего снял трубку стационарного телефона и сделал звонок.

ГЛАВА 13

Дорога до саамской общины заняла около часа. Заснеженная трасса, редкие огни фонарей, и снова тьма – бесконечная, давящая. Федор вел машину молча, Маркова листала свои заметки, но мысли ее были далеко. Полярная ночь давила на психику, стирала границы между днем и ночью, между реальностью и сном. Елена поймала себя на том, что уже в третий раз перечитывает одну и ту же строку, не в силах вникнуть в смысл.

– Скоро будем, – сказал Федор, сворачивая с основной трассы на укатанную грунтовку.

Лес расступился, открывая небольшую деревню. Несколько деревянных домов, пара традиционных кувакс – конических шалашей, крытых шкурами и брезентом, заснеженные нарты у заборов. Но тишина стояла неестественная. Ни собак, ни людей, ни дыма из труб.

Федор заглушил мотор. Тишина стала абсолютной, только ветер едва слышно посвистывал в голых ветвях берез.

– Где все? – Маркова вышла из машины, оглядываясь.

Они обошли несколько домов – пусто. В одном горела свеча, на столе стояла недоеденная еда, но людей не было. Будто сгинули все разом.

– Не нравится мне это, – пробормотала Маркова, поплотнее запахивая куртку.

Федор молча указал на крайний дом, из его трубы тонкой струйкой шел дым.

Они подошли к двери, постучали. Долго никто не открывал, но потом послышались шаркающие шаги, дверь приоткрылась, и на них пахнуло теплом и запахом сушеных трав.

В доме было полутемно, только печь освещала помещение неровным оранжевым светом. У печи сидела старуха в темном платке, помешивая что-то в котелке. Рядом с ней, на лавке, лежал древний старик с мутными глазами, укутанный в оленью шкуру. Девочка, лет восьми, впустившая их, молча вернулась к своему занятию. Она вскарабкалась на кровать, застеленную пестрым одеялом, и принялась беззаботно играть с соломенной куклой, одетой в лоскутки яркой ткани, напевая что-то тихое, неразборчивое себе под нос. Будто никакие незнакомцы только что в дом и не вошли.

Старуха обернулась, посмотрела на них настороженно, но ничего не сказала.

– Здравствуйте, – Маркова шагнула вперед. – Мы из полиции. Нам нужна помощь.

Старик зашевелился, приподнял голову. Глаза его смотрели куда-то сквозь них, будто видели что-то другое.

– Из города? – голос его был скрипучим, как старые половицы. – Зачем пришли?

Федор присел на корточки рядом с лавкой, чтобы старик мог его видеть ближе.

– Мы ищем человека. Он убил девушку в лесу. Оставил знак на дереве. Древний знак. Мы думаем, он знает саамские обычаи.

Старик долго молчал, глядя в огонь. Потом заговорил медленно, с паузами, будто прислушивался к кому-то невидимому:

– Злой дух приходит, когда ночь длинная. Каждый год приходит. Саамы знают. Мы гоним его, но он возвращается. Много лет... много зим...

– Какой дух? – спросила Маркова, подходя ближе.

– Который в шкурах ходит, с рогами.

– Мяндаш? – спросил Федор.

– Нет, не Мяндаш. Мяндаш добрый, он предок. А этот... этот взял чужой облик. Он ворует души тех, кто заходит на его территорию. Кто не боится темноты.

Старик зашелся хриплым кашлем. Старуха забеспокоилась, замахала руками:

– Хватит, хватит говорить. Устал он. Уходите.

– Дедушка, посмотрите, – Федор достал телефон, включил фотографию символа на дереве. – Вы знаете этот знак?

Старик прищурился, но было видно, что он почти ничего не видит, только смутное пятно света от экрана.

– Там... там огонь? – прошептал он. – Кровь и огонь. Темный знак. Его рисуют, когда зовут тех, кто снизу. Чтобы взяли жертву. Очень плохой знак.

Он снова закашлялся, сильнее прежнего. Старуха засуетилась, поднесла ему кружку с водой.

– Уходите, – резко сказала она. – Он старый, ему трудно. Ничего больше не скажет.

Федор поднялся и обратился к старухе:

– А вы не знаете, с кем еще мы можем здесь поговорить?

– Община уехала в Ловозеро. Это километров сто отсюда. Они там будут минимум неделю, – сухо ответила старуха, возвращаясь к котелку.

– Значит, не дождемся. – Федор уже направился к выходу. – Кто еще может помочь? Кто знает их культуру, символы, ритуалы? – спросил он в пороге Маркову.

Маркова задумалась, потом щелкнула пальцами:

– Алексей Терпехов. Куратор местного музея. Он этнограф, специалист по саамам. У него даже кружок для студентов есть, всем этим легендам учит. Если кто и знает, что означает этот символ – то это он.

– Едем к нему.

Маркова оглянулась на девочку. Та сидела на кровати, прижимая к себе соломенную куклу, и внимательно смотрела на Елену. Взгляд у ребенка был странный – не по годам взрослый, пронзительный. Девочка вдруг подвинулась на кровати, освобождая место рядом с собой, и что-то прошептала, повернув голову в пустоту. Будто с кем-то разговаривала. Будто кто-то невидимый сел рядом.

Маркова замерла, глядя на это. Мурашки пробежали по спине. Она хотела подойти, спросить, но Федор открыл входную дверь и поманил ее за собой.

– Пойдем, – тихо сказал он. – Здесь нам больше не помогут.

Они вышли из дома. Мороз обжег лица. Где-то вдалеке завыл ветер, поднимая снежную крупу. Деревня стояла молчаливая, темная, будто вымершая.

– Странно все это, – пробормотала Маркова, оглядываясь на дом. – И девочка эта...

– Саамы говорят, что дети иногда видят то, чего не видят взрослые, – ответил Федор. – Может, она чувствует что-то.

Они пошли к машине. Федор уже открыл дверь, когда сзади послышались быстрые шаги по снегу.

– Постойте! – тонкий детский голос.

Они обернулись. Девочка бежала к ним, путаясь в длинной юбке, тяжело дыша. Остановилась прямо перед Марковой, подняла на нее темные, глубокие глаза.

– Тетя... – сказала она тихо.

Маркова присела на корточки, оказавшись с ней лицом к лицу. Что-то в этом ребенке заставляло сердце биться быстрее. Что-то неуловимо знакомое.

– Что, милая?

Девочка шагнула ближе и вдруг обняла ее. Крепко, по-детски доверчиво, прижавшись щекой к ее плечу. Маркова замерла на мгновение, а потом, повинувшись какому-то внутреннему порыву, обняла ее в ответ.

– Не грусти, – прошептала девочка ей в ухо. – Ей не нравится, что тебе больно. Она не хочет, чтобы ты страдала.

Маркова отпрянула, вглядываясь в лицо ребенка:

– Кто? Кто не хочет?

Девочка улыбнулась – светло, чисто, совсем по-детски. А потом протянула руку и дотронулась пальчиком до кончика носа Марковой.

– Бип, – сказала она тихо.

Маркова вздрогнула. Словно молния ударила где-то внутри.

Девочка продолжала: провела пальчиком по ее щеке, потом по другой, потом по лбу, соединяя невидимые точки.

– Улыбнись, – прошептала она. – Ты красивая, когда улыбаешься.

И перед глазами Марковой вдруг вспыхнуло воспоминание. Яркое, теплое, такое реальное, что на мгновение она забыла, где находится.

Солнечный свет заливал комнату. Белые занавески колышутся от легкого ветерка. На кровати, в розовом платице, сидит маленькая София. Смеется, запрокинув голову, а Елена щекочет ее, водит пальцами по лицу, прикасается к носу, к щечкам, к лобику:

– Бип-бип! А вот тут кто? А тут? Где моя девочка?

София заливается счастливым смехом, хватая маму за руки, тянет к себе...

Воспоминание исчезло так же быстро, как появилось. Маркова стояла на коленях в снегу, в темноте полярной ночи, и по ее щекам текли слезы.

– Откуда ты знаешь? – прошептала она, глядя на девочку. – Откуда?

Девочка подняла руку и указала в небо. Там, сквозь разрывы в тучах, разгоралось северное сияние. Зеленые, фиолетовые, розовые ленты плясали в вышине, заливая деревню прозрачным светом.

– Она попросила, – просто сказала девочка. – Ей не нравится, что ты плачешь. Она хочет, чтобы ты помнила: она там, где всегда светло.

Маркова смотрела на сияние, и сердце ее разрывалось от боли и какого-то невероятного, невозможного тепла одновременно. Она прижала девочку к себе, не скрывая слез, и прошептала:

– Спасибо... спасибо тебе.

– Ты еще увидишь ее, – сказала девочка. – Но не сейчас. Сначала живи.

Она отстранилась, улыбнулась Марковой и побежала обратно к дому, путаясь в длинной юбке. У порога обернулась, помахала рукой и скрылась за дверью.

Федор подошел ближе, протянул Марковой руку, помогая подняться. Та вытерла слезы, глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки.

– Все в порядке? – тихо спросил он.

Маркова молча кивнула. Не потому, что не могла говорить, а потому что слова сейчас были лишними. Она посмотрела на небо, где все еще плясало сияние, потом на дверь дома, за которой скрылась девочка. И села в машину.

Федор сел за руль, завел мотор. Машина тронулась, увозя их из этой странной, затерянной во времени и пространстве деревни обратно в город, в расследование, в жизнь, которая продолжалась, несмотря ни на что.

Маркова молчала всю дорогу. Но Федор видел краем глаза: она смотрела не в темноту за окном, а на небо, где все еще теплились отблески уходящего сияния.

ГЛАВА 14

Егор сидел на кровати в выделенной ему комнате, уставившись в одну точку на стене. За окном была все та же полярная ночь – бесконечная, давящая, высасывающая силы. Телефон валялся рядом, экран погас. Разговор с отцом закончился минут двадцать назад, а в ушах до сих пор звенели его слова.

– Ты хоть понимаешь, во что вляпался? – Отец говорил негромко, но от этого было только страшнее. Когда он орал – это было привычно, по-семейному. А вот этот ледяной, спокойный тон означал, что все серьезно. – Я замминистра, Егор. У меня репутация, имя, связи. А мой сын – подозреваемый в убийстве. Убийстве! Ты представляешь, что об этом говорят в думе? Что говорят мои коллеги?

– Пап, я не виноват, следовательно уже...

– Мне плевать, виноват ты или нет! – оборвал отец. – Ты, вообще, о чем думал, когда решил сбежать из дома? Уехать без спроса, без разрешения, просто взять и исчезнуть? Мать чуть инфаркт не схватила, когда по телевизору увидела новости про Мончегорск, а там – твоя фотография!

Егор молчал. Что он мог сказать? Что хотел свободы? Что задыхался в их идеальной квартире с идеальным расписанием на идеальную жизнь? Отцу этого было не понять.

– Мы с матерью вылетаем завтра, – продолжил отец. – Я уже взял билеты.

– Не надо! – Егор даже привстал. – Я сам приеду, как только разрешат. Мне нельзя покидать город, но как только следствие закончится...

– Ты вообще слушаешь меня? – В голосе отца появились знакомые металлические нотки. – Я уже подключил все связи, отправил к тебе Кравцова. Будешь делать все, что он скажет. Держаться его и не рыпаться. Мы с матерью будем там послезавтра. И это не обсуждается.

Егор снова замолчал. Отец еще минут пять расписывал, чего он лишится, если такая выходка повторится: машины, денег, помощи с учебой, всего. Егор слушал вполуха, кивал в нужных местах, а сам думал о другом. О Кате. О Кирилле. О том, что они сейчас там, в лесу, ищут следы убийцы, пока он сидит в теплой комнате и выслушивает нотации.

– Ты меня понял? – донеслось из динамика.

– Да, пап. Все понял.

– Вот и хорошо. Жди. Мы скоро будем.

Разговор прервался. Егор отложил телефон и закрыл глаза. Родители летят сюда. Будут контролировать каждый шаг, напоминать о репутации, о том, как он их подвел. И ни слова о том, что с ним самим. Ни вопроса, как он себя чувствует, не снится ли ему по ночам Мяндаш, не просыпается ли он в холодном поту, чувствуя на лице липкую кровь Иры.

Им плевать. Им всегда было плевать на его чувства. Главное – картинка. Главное, чтобы в свете выглядело прилично.

Егор открыл глаза и посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали. Три дня назад в СИЗО он не мог удержать кружку с водой. Сегодня спокойно сидит и думает. Прогресс.

Нужно брать себя в руки. Что бы ни случилось, как бы ни бесили родители, он должен держаться. Ради себя. Ради Иры. Ради Кати, которая сейчас рискует жизнью в лесу, пытаясь найти правду.

В этот момент внизу хлопнула входная дверь.

– Егор! – голос Кати разнесся по дому. – Ты здесь?

Егор вскочил и выбежал в коридор. Сердце забилось быстрее от радости, что они вернулись, и от страха: вдруг с ними что-то случилось?

Он сбежал по лестнице и замер. Катя и Кирилл стояли в прихожей, засыпанные снегом, покрасневшие от мороза. Живые. Целые.

– Вы как? – выдохнул Егор. – Я уже думал...

– Нормально, – отмахнулся Кирилл, стаскивая куртку. – Чуть мусора не сцапали, но мы ушли. – Он огляделся. – Предки где?

– Уехали на работу, – ответил Егор. – Будут только вечером. Что нашли?

Кирилл хитро прищурился и махнул рукой:

– Пошли в кабинет к бате. Там карты есть.

Они поднялись на второй этаж, в просторный кабинет отца Кирилла. Стены были увешаны дипломами, фотографиями туристических групп, старыми картами. Кирилл прошел к большому столу, сгреб в сторону какие-то бумаги и разложил на столе подробную карту местности.

– Смотрите, – он ткнул пальцем в точку. – Здесь убили Иру. Перекресток троп, где Егор все видел.

Палец переместился правее.

– А здесь мы нашли старую дорогу, где следы обрываются. Там убийца пересел на снегоход и уехал.

Егор склонился над картой. Отмеченные точки соединялись линиями, которые разбегались в разные стороны, как паутина. Тропы, тропинки, просеки, зимники — все это оплетало лес густой сеткой.

– Ни фиги себе, – выдохнул он. – Поэтому полиция ничего не нашла? Тут же можно год шариться и ничего не найти.

– Именно, – Кирилл довольно хлопнул по карте. – Местность, как лабиринт. Патрули прочесали самые популярные направления, но этот гад явно знает лес лучше их.

Егор задумался, разглядывая карту. Что-то царапнуло в голове.

– Слушайте, – начал он медленно. – Если он реально хорошо знает эти места, как вы говорите... он же не дурак. Зачем ему пользоваться популярными тропами, где его могли заметить? Он должен был выбрать что-то другое. Скрытое. Забытое. То, о чем никто не вспомнит.

Кирилл резко поднял голову и уставился на друга:

– Егор, ты гений! – Он рванул к огромному шкафу, где в беспорядке лежали папки, свернутые чертежи, старые документы. – У бати тут столетиями всякая фигня хранится, может, что и найдем.

– Что ты ищешь? – Катя подошла ближе.

– Сейчас, сейчас... – Кирилл рылся в шкафу, выкидывая на пол ненужные бумаги. – Есть у него одна древность... Ага!

Он вытащил пожелтевший, свернутый в трубку лист. Разложил его поверх современной карты, придавил углы книгами.

– Это еще от какого-то старого геолога досталось, чуть ли не основателя города. Тут старые тропы отмечены, которые еще саамы протоптали, потом геологи пользовались, а потом забросили.

Егор и Катя склонились над картой. Старые линии, нанесенные выцветшими чернилами, проступали сквозь время. Кирилл водил пальцем, сравнивая с современной картой.

– Смотрите, – он ткнул в место, где старая тропа расходилась с новой. – Вот здесь, например. Новая тропа идет прямо, а старая сворачивает и уходит в сторону. И там, – палец переместился, – какие-то постройки отмечены.

Егор присмотрелся. На старой карте значками были отмечены несколько точек: «охот. избушка», «геол. лабаз», «штольня».

– Это что, реально заброшенные места?

– Ага, – Кирилл почесал затылок. – Я про некоторые даже не слышал. Вон тут, в районе Ньюдайвенча, какие-то старые штольни еще с тридцатых годов остались. Туда сейчас никто не суется – опасно, обвалиться может. И тропы туда давно заросли.

– Идеальное место, чтобы спрятать тело, – тихо сказала Катя.

Егор посмотрел на нее. В глазах девушки горел тот самый огонь, который он заметил еще в первую ночь у костра. Только теперь это был не интерес к нему, а холодная, решительная злость.

– Надо проверить, – сказала она.

– Чего? – Кирилл вытаращился на нее. – Ты дура? Мы только что от полиции еле ноги унесли, а ты хочешь обратно в лес? Да еще в такие дыры, где этот псих может прятаться?

– А ты предлагаешь сидеть и ждать, пока полиция найдет тело? – Катя уперла руки в бока. – Они уже неделю ищут, и ничего. А мы нашли зацепку за один день.

– Мы нашли зацепку, потому что у меня батя – туристический магнат, а у его бати, моего деда – старые карты! – Кирилл развел руками. – Кать, это опасно. Если маньяк правда там... что мы ему сделаем? С одним ружьем?

– Надо рассказать Кравцову, – вмешался Егор. – Тому следователю из Москвы. Он нормальный, он поверит. Пусть они с группой туда съезжают, проверят.

– Идеально! – Кирилл обрадовался. – Скинем инфу полиции, они сами разберутся. А мы чистенькие, тихонько сидим и ждем результатов.

Катя покачала головой:

– Вы не понимаете. Если мы расскажем полиции, они поедут туда с шумом, с машинами, с сиренами. Если маньяк где-то рядом – он услышит, спрячется, уйдет. Или вообще тела перепрычет. И тогда мы никогда ничего не найдем.

– И что ты предлагаешь? – Кирилл сложил руки на груди. – Самим туда переться?

– Да. Самим.

Повисла тишина. Кирилл смотрел на Катю как на сумасшедшую. Егор – с сомнением, но где-то в глубине души понимал ее.

– Кать, – осторожно начал он, – это реально риск. Ты же видела, что там творится. Патрули кругом, убийца где-то рядом. Если мы попадемся...

– Если мы попадемся, – перебила Катя, – то хуже уже не будет. Ира все равно не вернется. Но мы хотя бы попытаемся найти того, кто ее убил. А если не попытаемся, я буду всю жизнь себя ненавидеть.

Она посмотрела на них обоих, и в ее глазах блеснули слезы, но голос был твердым:

– Я не могу просто сидеть и ждать. Не могу. Ира была моей подругой. Она верила, что я всегда ее выручу. А я даже не смогла ее спасти. Но я могу найти ее убийцу. Я обязана.

Егор почувствовал, как внутри что-то переворачивается. Он понимал это чувство. Ту самую вину, которая гложет изнутри. Он тоже не смог спасти Иру. Он стоял и смотрел, как Мяндаш отрубает ей голову, и смеялся, потому что был одурманен. Если он сейчас отступит, эта вина сожрет его целиком.

– Я с тобой, – сказал он тихо, но твердо.

Кирилл посмотрел на них обоих, открыл рот, закрыл, потом закатил глаза:

– Вы оба психованные. Реально психованные. – Он вздохнул и махнул рукой. – Ладно, черт с вами. Но если что, я буду орать «я же говорил» даже когда нас убивать будут.

– Значит, решено? – Катя вытерла слезы.

– Решено, – Кирилл кивнул. – Завтра с утра выдвигаемся. Только теперь план нужен серьезный. Идти в такие места с одним ружьем – самоубийство. Надо еще что-то придумать.

– Оружие? – уточнил Егор.

– Оружие, снаряжение, связь, – Кирилл загнул пальцы. – И главное, чтобы предки не спалили. Если батя узнает, что я снова в лес поперся, он меня самого прикопает где-нибудь в тех штольнях.

Катя посмотрела на старую карту, на отмеченные точки, на паутину забытых троп. Где-то там, в этой бесконечной полярной ночи, прятался убийца. И они собирались его найти.

– Завтра так завтра, – сказала она. – А сейчас давайте отдыхать. Нам всем это нужно.

Они вышли из кабинета, оставив карты на столе. Егор задержался на мгновение, глядя на пожелтевший лист, на котором чьей-то рукой были нанесены старые, забытые пути. Тропы, ведущие в никуда. Или – к правде.

ГЛАВА 15

Музей располагался в центре города, в старом купеческом особняке – здании с высокой крышей, узорчатыми наличниками и массивными дубовыми дверями, помнившими еще начало прошлого века. Федор припарковался у входа, и они с Марковой выбрались из машины под низкое, тяжелое небо. Мороз обжигал лицо, под ногами скрипел снег, а фонари у крыльца горели тусклым желтым светом, выхватывая из темноты облупившуюся штукатурку и чугунную решетку на окне подвала.

Внутри было тихо. Очень тихо. Так тихо, что шаги по паркету гулким эхом разносились по пустым залам. В воздухе пахло старым деревом, нафталином и еще чем-то неуловимым – может быть, временем, может быть, пылью, накопившейся за десятилетия.

– Похоже, мы единственные посетители, – шепнула Маркова, оглядываясь.

– В такое время сюда вообще мало кто ходит, – раздался голос из полумрака.

Из-за высокой стойки вышел мужчина. Алексей Терпехов – интеллигентный, лет пятидесяти, подтянутый, с внимательными глазами за стеклами очков. Одет он был в строгий свитер и брюки, на шее – очки на шнурке. В руках держал связку ключей.

– Алексей, – Маркова улыбнулась, узнавая его. – Рада снова вас видеть.

– Елена, – Терпехов кивнул в ответ. – Давно не заходили. Помню, вы на моих лекциях бывали, когда только переехали. Интересовались историей края.

– Приходилось, – Маркова развела руками. – Хотела понять, куда меня занесло. Лекции у вас отличные, кстати.

– Спасибо, – Терпехов перевел взгляд на Федора. – А это, видимо, ваш коллега? Тот самый московский следователь, о котором все говорят?

– Федор Кравцов, – представился тот, протягивая руку.

– Очень приятно. Алексей Терпехов, хранитель фондов. – Он пожал руку и жестом пригласил их следовать за собой. – Проходите, я как раз собирался осмотреть экспозицию перед закрытием. Составите компанию.

Он повел их через небольшой холл в первый зал. Здесь было темно, только редкие лампы подсвечивали витрины. Терпехов щелкнул несколькими выключателями, и зал наполнился мягким, приглушенным светом.

– У нас небольшая экспозиция, но довольно богатая, – начал он, жестом приглашая следователей осмотреться. – Саамская культура, быт, промыслы, верования. То, что осталось от народа, жившего здесь задолго до прихода цивилизации.

Федор огляделся. Вдоль стен тянулись стеклянные витрины с утварью, одеждой, орудиями труда. На стенах висели старые фотографии – саамы в традиционных одеждах, с оленями, на фоне сопок и озер. Лица на снимках были суровыми, глаза – глубокими, будто смотрели сквозь время.

– Впечатляет, – сказал Федор.

– Это лишь малая часть, – Терпехов повел их дальше. – Основные фонды в подвале. Там у нас и археология, и этнография, и даже пара мумий с болот. Но туда я вас не поведу, там холодно и пыльно. А здесь – самое интересное для общего понимания.

Они прошли во второй зал. Здесь было еще темнее, лампы горели только над центральной витриной. В ней лежали какие-то амулеты, бубны, костяные фигурки.

– Вот, – Терпехов указал на витрину. – Предметы культа. Бубны шаманов, обереги, ритуальные маски. Саамы верили, что через эти предметы можно общаться с духами предков, с духами природы.

Маркова подошла ближе, вглядываясь в экспонаты. Маленькие фигурки людей и зверей, вырезанные из кости, смотрели на нее пустыми глазницами. Одна из масок, деревянная, с прорезями для глаз и рта, показалась ей особенно жуткой. В полумраке зала она будто следила за ней.

– А это? – спросила она, указывая на большой экспонат в углу.

Терпехов подошел, включил дополнительную лампу. Свет выхватил из темноты в человеческий рост фигуру, закутанную в шкуры, с огромными ветвистыми рогами на голове.

Маркова отшатнулась, едва не вскрикнув.

– Тише, тише, – Терпехов мягко коснулся ее локтя. – Это всего лишь реконструкция. Образ Мяндаша – человека-оленья, прародителя саамов. Мы сделали его для выставки несколько лет назад.

Федор подошел ближе, разглядывая фигуру. Рога были настоящими – огромными, тяжелыми, они венчали голову, скрытую под капюшоном из шкуры. Из-под капюшона виднелись лишь черные провалы глазниц. Шкуры, покрывавшие фигуру, свисали до пола, скрывая ноги. В руках Мяндаш держал длинный посох, увенчанный костяным навершием.

– Жутковато, – признал Федор. – Особенно при таком освещении.

– Да, многие посетители пугаются, – кивнул Терпехов. – Но для саамов Мяндаш – не злое существо. Он покровитель, предок, связующее звено между мирами. А вот злые духи выглядят иначе.

Он повел их дальше, к другой витрине. Там лежали амулеты с теми самыми символами, которые они видели на дереве. Федор достал телефон, включил фотографию.

– Вот этот символ, – он показал Терпехову. – Что вы о нем скажете?

Терпехов надел очки, приблизил фото, долго рассматривал. Потом присвистнул:

– Ну надо же... Это «пайив-чярвь», «солнечный крест» в перевернутом виде. Очень редкий символ. Саамы использовали его в жертвенных ритуалах, когда просили духов о чем-то важном. Обычно – об увеличении стад, об удачной охоте, об избавлении от болезней. Но прямой символ, не перевернутый. Перевернутый – это... – он запнулся.

– Что? – напряглась Маркова, все еще не пришедшая в себя после встречи с Мяндашем.

– Это обращение к темным духам. К тем, кто живет под землей. Саамы верили, что в такое время года, когда солнца почти нет, границы между мирами стираются. И перевернутый символ – это призыв. Приглашение духа принять жертву.

Федор слушал, не перебивая.

– А зачем его наносить кровью?

– Кровь – это жизнь, – Терпехов говорил спокойно, лекторским тоном, но в глазах его была тревога. – В саамской традиции жертвоприношения всегда сопровождалась кровью. Ею мазали священные камни, сейды, деревья. Кровь привлекает духов. Это как... как запах для хищника. – Он посмотрел на Федора. – Тот, кто это сделал, либо очень хорошо знает саамскую культуру, либо...

– Либо?

– Либо сам саам. Или человек, который вырос среди них, впитал эти верования с детства.

Федор кивнул – это совпадало с его собственными выводами.

– Алексей, я не могу вдаваться в детали следствия, но скажу одно: убийца использует саамскую символику. Кто кроме саамов может так владеть этими знаниями? Ученики, исследователи?

Терпехов задумался, прошелся по залу, остановился у витрины с ритуальными масками.

– Ну... я учу студентов. Но это теория, общие знания. Чтобы точно воспроизвести ритуал, нужно или быть посвященным, или... – он запнулся. – Или много лет изучать первоисточники. Старые этнографические записи, музейные архивы. Такое доступно очень узкому кругу специалистов.

– И вы, – прямо сказал Федор, – входи в этот круг.

Терпехов усмехнулся, но без обиды, скорее с пониманием:

– Вы меня подозреваете, Федор? Напрасно. У меня алиби на ту ночь, я был на конференции в Мурманске. Могу предоставить документы.

– Не подозреваю, – Федор покачал головой. – Ищу зацепки. Кто еще?

Терпехов пожал плечами, подошел к витрине с бубнами, провел пальцем по стеклу.

– Не знаю. Честно. В Мончегорске я единственный специалист такого уровня. Остальные – в Мурманске, в Петербурге. Но чтобы кто-то из них поехал сюда, в лес, и совершил убийство... Это маловероятно.

Он замолчал, задумавшись о чем-то. Маркова тем временем бродила по залу, разглядывая экспонаты. Ее внимание привлекла небольшая витрина в углу, освещенная отдельной лампой. Там лежали странные предметы – связки высушенных трав, маленькие костяные фигурки, амулеты из когтей и зубов. И среди них – фотография.

Маркова подошла ближе. На снимке была молодая женщина в саамской одежде, стоящая на фоне того самого леса, который они прочесывали несколько дней назад. Лицо ее было серьезным, почти суровым, но в глазах читалась какая-то глубокая, древняя печаль.

– Кто это? – спросила она, обернувшись к Терпехову.

Тот подошел, взглянул на фото.

– А, это Настасья. Последняя шаманка этих мест. Умерла лет двадцать назад. Говорят, у нее был дар – она видела духов, общалась с ними. Местные до сих пор к ее могиле ходят, просят о помощи.

– Двадцать лет назад, – задумчиво повторила Маркова. – А от чего она умерла?

– Старость, – Терпехов пожал плечами. – Ей было под девяносто. Но ходили слухи, что перед смертью она прокляла эти места. Сказала, что злые духи вернутся и будут мстить, пока не найдется кто-то отважный, кто будет в силах их остановить. – Он усмехнулся. – Конечно, это все суеверия. Но после ее смерти в лесу действительно стали твориться разные странности.

Федор и Маркова переглянулись.

Маркова снова посмотрела на фотографию. Старуха смотрела на нее с того света, и в ее глазах читалось что-то, от чего у Елены побежали мурашки по коже.

– Можно сделать снимок? – спросила она.

– Конечно, – кивнул Терпехов. – Но вряд ли это поможет. Старуха давно мертва.

– А ее ученики? – вдруг спросил Федор. – У шаманки были ученики? Кто-то, кому она передала свои знания?

Терпехов задумался, потер подбородок.

– Знаете, был один парень. Я его плохо помню, он приезжал сюда в конце девяностых, жил у Настасьи несколько месяцев. Говорили, что она взяла его в обучение. Но потом она умерла, и он исчез. Уехал, наверное. Я даже имени его не запомнил.

Федор достал блокнот, записал:

– А описать его можете?

– Молодой, лет двадцати, не больше. Высокий, худой. Волосы темные, длинные, тогда это было модно. Глаза... не помню. Обычный парень. Интересовался культурой саамов, много спрашивал, записывал. Я думал, этнограф какой-то.

Маркова и Федор переглянулись. Эта ниточка могла вести куда-то, а могла оборваться – слишком мало информации, слишком давно это было.

– Спасибо, Алексей, – Федор убрал блокнот. – Вы нам очень помогли.

– Всегда пожалуйста, – Терпехов проводил их к выходу. – Если что-то еще понадобится – обращайтесь. Музей всегда открыт.

Они вышли на крыльцо. Мороз обжег лица, под ногами скрипнул снег. Только ветер посвистывал в ветвях деревьев за оградой музея.

– Что думаешь? – спросила Маркова, когда они сели в машину.

– Думаю, что этот ученик шаманки – хорошая зацепка, – ответил Федор, заводя мотор. – Надо поднять архивы, узнать, кто приезжал в Мончегорск в те годы. Может, и найдем что-то.

– А старуха? – Маркова поежилась. – Фотография... у меня от нее мурашки по коже.

– Суеверия, – Федор усмехнулся, но как-то невесело. – Хотя в этих местах начинаешь верить во что угодно. Ладно, поехали. Волков, наверное, нас уже заждался.

Машина тронулась, увозя их от старого особняка с его темными залами, жуткими экспонатами и фотографией мертвой шаманки, которая, казалось, смотрела им вслед из морозной мглы.

ГЛАВА 16

В участок они вернулись поздним вечером, если это понятие вообще применимо к полярной ночи. За окнами было так же темно, как и утром, только усталость в глазах коллег выдавала, что день прошел не зря.

На столе Федора высилась стопка коробок – старых, пыльных, с пожелтевшими бумагами. Волков сидел тут же, разбирая очередную папку.

– Это только часть, – устало сказал он. – Там еще две такие же стопки в архиве. Двадцать лет, Федор. Двадцать лет пропавших.

Маркова плюхнулась на стул:

– Город маленький, работы мало. Климат суровый, все, кто могут, уезжают в Мурманск или на юга. Зато туристов много. И каждый год кто-то пропадает. Не все, некоторые потом находятся. Иногда живые, иногда... – она не договорила.

Федор уже разбирал дела, раскладывая папки по стопкам.

– Так, – скомандовал он. – Маркова – берешь женщин. Волков – мужчины. Я – систематизирую по времени года. Нам нужно понять, есть ли закономерность.

– О возвращении домой вовремя, видимо, стоит забыть, – покачал головой Волков. – Пойду, жене позвоню. – Волков вышел из кабинета.

– У него двухлетние близнецы, – пояснила Маркова, встретив вопросительный взгляд Федора, беря часть папок со стола.

– Ясно... работаем, – Федор открыл первое досье.

Они работали несколько часов. Тишину нарушал только шелест бумаг да редкие комментарии. Где-то за окнами выла вьюга, но здесь, в кабинете, было тепло и тихо, если не считать напряжения, висевшего в воздухе.

– Ладно, – Федор посмотрел на часы. – Глаза слипаются, надо перекусить. Сгоняйте, купите чего-нибудь. Я пока тут еще поработаю.

Маркова и Волков переглянулись, но спорить не стали. Усталость брала свое.

– Скоро будем, – кивнул Волков, и они вышли.

Федор остался один.

Тишина в кабинете была особенная – не мертвая, а какая-то настороженная, будто сам воздух ждал чего-то. За окнами выла вьюга, редкие снежинки бились в стекло и таяли, оставляя мокрые следы.

Он подошел к окну, всмотрелся в темноту. Полярная ночь. Он помнил ее с детства – бесконечную, давящую, когда не понимаешь, день сейчас или вечер, спишь или бодрствуешь. Время здесь текло иначе. Растягивалось, как резина. Или застывало, как вода в озере Имандра.

Мысли его текли медленно, вязко. О той девушке на кладбище. О ее глазах – веселых, живых, какими он их помнил. О том, как она смеялась в студенческой столовой, как заправляла за ухо выбившуюся прядь. О том, как потом, через год, вышла замуж за профессора – немолодого, скучного, но обеспеченного. Ее семья была неблагополучной: мать пила, отец сидел, ей нужна была опора, защита, стабильность. А он, молодой лейтенант с пустыми карманами и верой в справедливость, ничего не мог ей дать.

А потом ее убили. А он не смог найти убийцу. И всю жизнь носил это в себе. Корил.

Федор тряхнул головой, прогоняя наваждение. Хватит. Прошлого не вернуть. Но можно искупить – поймав того, кто убивает сейчас.

Он повернулся к столам, заваленным папками. Архив за двадцать лет. Пропавшие люди. Дети, старики, мужчины, женщины. Туристы, местные, залетные.

И вдруг его словно током ударило.

Федор замер, глядя на разложенные бумаги, но не видя их. Мысли лихорадочно заматались.

Неблагополучные семьи. Девушки, которым нужна была опора. Которые искали спасения в мужчинах. Которые были уязвимы, легкодоступны, о которых никто не станет долго горевать и искать правду.

Как она.

Как та девушка на кладбище.

Как Ира.

Он резко шагнул к столу, схватил первую папку. Пролистал, отложил. Взял другую. Третью. Четвертую.

Руки его дрожали не от холода, от возбуждения.

– Черт, – выдохнул он, разворачиваясь к доске. – Черт, черт, черт!

Он заметался по кабинету, хватая папки, вытаскивая фотографии, прикрепляя их к доске. Восемнадцать лет назад, шестнадцать, двенадцать, девять, пять, два... лица мелькали перед глазами – молодые, разные, но с одним и тем же выражением. Усталым. Обреченным. Как у тех, кто с детства знает, что по-настоящему их никто не защитит.

– Вот вы где, – прошептал Федор, останавливаясь перед доской. – Все здесь. Все.

Маркова и Волков вернулись через сорок минут с пакетами из фастфуда. В коридоре их встретила непривычная тишина, только скрип половиц под ногами да далекое завывание ветра.

– Как думаешь, он вообще спит когда-нибудь? – спросил Волков, кивая на дверь кабинета.

Маркова пожала плечами:

– Не знаю. Но от его взгляда у меня иногда мороз по коже. Смотрит, и будто насквозь видит. Жутковато.

– А мне он нормальным кажется, – Волков толкнул дверь плечом. – Мужик с опытом. Таких поискать. Он за свою карьеру, говорят, не одного маньяка поймал. Профи.

– Профи-то профи, – Маркова понизила голос, – только такие, как он, одиночки. Им плевать на жизнь остальных. Лишь бы дело раскрыть. А тебя дома жена с детьми ждалась, небось. Но уйти не можешь, пока Федор не отпустит.

– Это работа, – Волков пожал плечами. – Ладно, пошли.

Они вошли в кабинет и замерли на пороге.

Федор стоял перед доской, прикрепляя очередную фотографию. Но доска была уже не той, что они оставили, когда уходили. Теперь она вся была завешана лицами – десятки женщин, молодых, красивых, смотрели с нее пустыми глазами паспортных фотографий. А в центре, над всеми ними, висел набросок Мяндаша – человека-оленья, с красными глазами, в шкурах и рогах.

– Федор... – выдохнула Маркова. – Что это?

Он обернулся. Глаза его горели лихорадочным блеском, но голос был спокоен, чеканил каждое слово:

– Смотрите. Пропавших много. Дети, старики, мужчины – их находят чаще. Живыми или мертвыми. Но есть одна категория, которая выпадает из статистики.

Он ткнул пальцем в фотографии:

– Женщины от 18 до 30. Пропадают в полярную ночь. Три, иногда четыре за сезон. Не каждый год, но с завидной регулярностью. Вот смотрите: 2006 – две. 2007 – три. 2008 – две. 2010 – три. 2013 – четыре. 2016 – опять три. 2019 – две. 2022 – три. И вот сейчас – Ира.

Маркова подошла ближе, вглядываясь в лица.

– И что их объединяет?

– Все, – Федор разложил перед ними папки. – Возраст – 18–30. Семейное положение – не замужем. Социальный статус – из неблагополучных семей. Сироты, полусироты, либо

семьи, где пьют родители. Часто – конфликты с близкими. Работа – низкоквалифицированная: продавщицы, уборщицы, без определенных занятий. И главное – все они, по свидетельствам знакомых, были... как бы это сказать...

– Гулящими? – прямо спросил Волков.

– Да. Пользовались популярностью у мужчин. Меняли партнеров. Не слишком разборчивые в связях. – Федор посмотрел на них. – Понимаете, что это значит?

– Маньяк, – выдохнула Маркова. – Он выбирает определенный типаж.

– Именно. Девушки, о которых никто не будет долго горевать. У которых нет влиятельных родителей, которые будут биться за правду. Которых общество само готово считать «виноватыми» – сама, мол, связалась не с тем, пила, гуляла. Их смерти или исчезновения списывают на несчастный случай, на побег из дома, на дурную компанию. И никто не копает глубоко.

Он замолчал, глядя на доску. Перед ним стояли Маркова и Волков, тоже уставившиеся на лица пропавших девушек. Мертвые, застывшие на фотографиях – они смотрели на следователей с немым вопросом.

– И он действует годами, – продолжил Федор. – Убивает только в полярную ночь. Только таких девушек. Только в лесу. И ни разу не попался.

Волков присвистнул:

– Двадцать лет... это ж сколько жертв?

– Если считать по минимуму – около двадцати пяти. Если по максимуму – до сорока. – Федор обвел рукой доску. – И тела никогда не находили. Потому что он их прятал. Или... использовал для ритуалов.

В кабинете повисла тишина. Слышно было только гудение старого холодильника в коридоре да завывание ветра за окном.

– Значит, мы ищем не просто убийцу, – тихо сказала Маркова. – Мы ищем маньяка. Серийного. Который охотится здесь уже два десятилетия.

– Да, – Федор кивнул. – И теперь, когда Ира погибла, а Егор выжил и видел его... Он запаникует. Или наоборот – войдет в раж. Нам нужно быть готовыми к новым жертвам.

Они стояли перед доской, глядя на лица пропавших девушек. За окнами выла полярная ночь. Где-то там, в темноте, бродил Мяндаш. Человек-олень. Убийца. Маньяк, который считал себя духом, божеством, хозяином леса.

Они должны были найти его. Или он убьет снова.

ГЛАВА 17

В глубине старой горы, там, где ветер никогда не задувал и свет не проникал, было темно. Темнота здесь была особенной – не та, что снаружи, полярная, к которой можно привыкнуть, а абсолютная, давящая, не пропускающая ни лучика. Только редкие масляные лампы, расставленные по нишам, давали тусклый, дрожащий свет, выхватывая из мрака неровные стены, покрытые копотью и странными символами.

Человек сидел на грубо сколоченном табурете перед импровизированным столиком. Столик был накрыт старой, но чистой скатертью, на которой аккуратными рядами стояли женские принадлежности: расчески, щетки, резиночки для волос, бантики, флаконы с духами, пудреницы, тени для век. Все это было разложено с почти религиозной тщательностью – каждая вещь на своем месте, каждая под определенным углом.

Рядом с ним, на высоком табурете, сидела девушка.

Она не двигалась. Не дышала. И вообще – это была не девушка. Манекен, старый, потрескавшийся, с об

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.